

Л-78

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

На правах рукописи

О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

АНТИЧНЫЙ МИР И ДРЕВНЯЯ ГРУЗИЯ

(ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕ-
НИЯ СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.
ДО III—IV ВВ. Н. Э.).

Историко-археологическое исследование

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1966

Направляем Вам для ознакомления автореферат диссертационной работы тов. Лордкипанидзе О. Д. на тему: «Античный мир и древняя Грузия», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Защита состоится «28» ~~сентября~~ 1966 года

Официальными оппонентами назначены: чл.-корреспондент АН СССР и академик АН ГССР, доктор искусствоведческих наук, проф. Амиранашвили Ш. Я., академик АН ГССР, доктор исторических наук, проф. Меликишвили Г. А., доктор исторических наук, проф. Джапаридзе О. М., доктор филологических наук, проф. Каухчишвили Т. С.

Ваши замечания по автореферату просим направить по адресу: Тбилиси, ул. Дзержинского 8, Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузинской ССР.

Ученый секретарь

Взаимоотношения античного мира с населением древней Грузии имеют длительную и многовековую историю. Они начинаются еще во второй половине II тысячелетия до н. э. и затем, после определенного перерыва — уже с VI в. до н. э. интенсивно продолжают на всем протяжении развития античного общества. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения греко-римского мира с древней Грузией, изучение которых является задачей настоящей работы, представляют лишь часть многогранной и длительной истории взаимоотношений античного мира с Грузией в целом.

Изучение взаимоотношений античного мира с Грузией представляет интерес и важно не только с точки зрения истории Грузии, но и самого греко-римского мира, в частности, его взаимоотношений с Причерноморьем в целом. Следует отметить, что в то время, как связи античного мира с рядом причерноморских областей изучены сравнительно хорошо, взаимоотношения с Восточным Причерноморьем (Колхидой) исследованы все еще крайне слабо.

В общих работах по истории античных государств вопросы взаимоотношений с Грузией, как правило, не рассматриваются: авторы этих работ, в лучшем случае, ограничиваются упоминанием о наличии на восточном побережье Черного моря греческих городов-колоний, а в качестве доказательства греко-колхидских связей приводят греческое сказание о походе аргонавтов в Колхиду. Сравнительно большее место уделяется истории римской экспансии в страны Закавказья.

Проблема взаимоотношений древней Грузии с античным миром давно уже привлекает внимание историков Грузии. Большая работа проделана по переводу на грузинский язык и исследованию сведений греко-римских писателей: греческих логографов (Н. Ю. Ломоури), Геродота (Т. С. Каухчишвили), Ксенофонта (Т. К. Микеладзе), Гиппократ (Т. С. Каухчишвили), Гераклида Понтийского (Т. С. Каухчишвили), Аполлония Родосского (А. В. Урушадзе), Арриана (М. П. Инадзе, Н. Н. Кечакмадзе), Клавдия Птолемея (Н. Ю. Ломоури), Аппиана (Т. С. Каухчишвили), Помпония Мелы

(А. Г. Гамкрелидзе), Страбона (Т. С. Каухчишвили), Аммиана Марцеллина (А. Г. Гамкрелидзе); византийских источников (С. Г. Каухчишвили, М. Л. Кахадзе, А. Г. Гамкрелидзе). Особо следует отметить издание свода греческих источников о Колхиде, связанных с мифом об аргонавтах (А. В. Урушадзе).

Для изучения проблемы взаимоотношений античного мира с Грузией исключительно важное значение имеют археологические материалы, особенно — систематические археологические исследования городов, сельских поселений и могильников на территории Колхиды (Западная Грузия) и Иберии (Восточная Грузия). Накопленный в течение трех последних десятилетий огромный археологический материал, вместе с данными письменных источников, представляет весьма ценный источник для изучения истории взаимоотношений древней Грузии с античным миром.

Вопросы взаимоотношений Грузии с внешним миром в античную эпоху рассмотрены в учебниках «История Грузии» (С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, В. Д. Дондуа) и «Археология Грузии» (А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе, Н. В. Хоштария), а также в обобщающих работах по древней истории Грузии (Г. А. Меликишвили), археологии (А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе) и истории искусства (Ш. Я. Амиранашвили).

В последнее время специальные работы были посвящены и таким вопросам, как политические связи Грузии с эллинистическими государствами (Г. А. Меликишвили, В. Д. Дондуа, Г. С. Мамулиа, Г. А. Лордкипанидзе) и Римской империей (И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, А. И. Церетели, Г. К. Гозалишвили, А. И. Болтунова, Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури, М. П. Инадзе); генезис взаимоотношений греческого мира с грузинскими племенами (С. Г. Каухчишвили, Т. К. Микеладзе); греческая колонизация в Колхиде (Г. К. Гозалишвили, А. И. Церетели, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури); торговые взаимоотношения Колхиды (М. П. Инадзе, А. Ю. Кахидзе), торговые пути древней Грузии и Закавказья (Я. А. Манандян, С. Т. Еремян, З. И. Ямпольский, С. Н. Джанашиа, Г. К. Гозалашвили, Н. Ю. Ломоури, Г. Г. Цкитишвили); мифологические и литературно-философские взаимоотношения (С. Г. Каухчишвили, Ш. И. Нуцубидзе, П. А. Берадзе, А. В. Урушадзе, И. Г. Шенгелиа, М. Я. Чиковани и др.).

Специальные работы были посвящены также отдельным археологическим памятникам, имеющим значение для изучения взаимоотношений античного мира с древней Грузией: нумизматическим материалам (А. Н. Зограф, Е. И. Пахомов, Д. Г. Капанадзе, К. В. Голенко, Г. Ф. Дундуа), памятникам

глиптики (М. И. Максимова, М. Н. Лордкипанидзе, С. В. Барнавели), стеклянным изделиям (Н. Н. Угрелидзе), античным импортным металлическим предметам (Г. Н. Чубинашвили, Ш. Я. Амиранашвили, К. Г. Мачабели) и керамике (Р. В. Путуридзе, А. Ю. Кахидзе, Н. Н. Матиашвили, Н. Ш. Кигурадзе); строительному делу, (Г. Н. Чубинашвили, Ш. Я. Амиранашвили, И. Н. Цицишвили, А. Н. Каландадзе, А. М. Апакидзе, Г. А. Ломтатидзе); эпиграфическим памятникам (Г. В. Церетели, А. И. Болтунова, С. Г. Каухчишвили, Т. С. Каухчишвили, А. Г. Шанидзе).

Эти работы значительно продвинули вперед изучение рассматриваемой проблемы. В течение последних десяти лет ряд работ был опубликован и автором настоящего труда (см. прилагаемый список). Некоторые основные положения диссертации автором были доложены на Всесоюзной археологической сессии в Баку в 1965 г. («Раннеантичная Колхида и ее взаимоотношения с греческим миром»), на VII международной конференции исследователей античности в 1964 г. в Ленинграде («Античный мир и Колхида в VI — IV вв. до н. э.»), на международном конгрессе классической филологии в Будапеште в 1965 г. («Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма»).

Настоящая работа написана на основе изучения письменных источников, и, главным образом, археологических материалов, как опубликованных, так и выявленных нами в музеях Грузии и различных городов СССР. В работе представлены также новые материалы, найденные за последние годы экспедициями, в работе которых нам приходилось участвовать (в Мцхета, Ховлэ, в окрестностях Батуми, Поты и Сухуми; в Пицунде, Вани, Кутаиси). На основе этих материалов мы попытались проследить торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с древней Грузией в микенский, архаический, классический, эллинистический и римский периоды.

Диссертационная работа состоит из следующих разделов:

Введение.

Гл. I. К вопросу о взаимоотношениях ахейской Греции с Колхидой во второй половине II тысячелетия до н. э.

Гл. II. Ионийская колонизация и Колхида.

1. Древнегреческая колонизация.

2. Социально-экономическое развитие Колхиды в первой половине I тысячелетия до н. э.

3. Местное население Восточного Причерноморья в период греческой колонизации.

4. Характер греческих поселений в Колхиде.

Гл. III. Торгово-экономические взаимоотношения античного мира в Колхидой в VI—IV вв. до н. э.

1. Ионийский импорт в VI в. до н. э.
2. Торговые взаимоотношения Афин с Колхидой в V—IV вв. до н. э.
3. Предметы экспорта.
4. Взаимоотношения Колхиды с Северным Причерноморьем.

Гл. IV. Сухумская стела.

Гл. V. Колхида в греческой литературе архаического и классического периодов.

Гл. VI. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения в период эллинизма.

1. Международная торговля в эпоху эллинизма.
2. Денежное обращение в Колхиде эллинистического периода.
3. Импорт (Синопа, Гераклея, Родос, Малая Азия).
4. Эллинистическая культура в Колхиде.
5. Колхида в греческой литературе эллинистического периода.

Гл. VII. Эллинистический мир и Иберия.

1. Возникновение Иберийского царства и его взаимоотношения с эллинистическими государствами.
2. Некоторые вопросы социально-экономического строя Иберии эллинистического периода.
3. Торгово-экономические взаимоотношения.
4. Эллинистическая культура в Иберии.

Гл. VIII. Торгово-экономические взаимоотношения Римского мира с Иберией.

1. Международная торговля в I—III вв. н. э.
2. Денежное обращение в Иберии.
3. «Римский» импорт (италийский, сирийский, египетский, малоазийский).
4. Эллинистическо-римская культура в Иберии.

Гл. IX. Римский мир и Колхида в позднеантичную эпоху.

1. Политическое положение.
2. Денежное обращение.
3. Импорт (стеклянные изделия, амфоры, краснолаковая керамика и т. д.).
4. Экономические связи в период существования лазского царства (IV—V вв. н. э.).

Заключение.

К работе приложен альбом иллюстративных материалов (60 таблиц).

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АХЕЙСКОЙ ГРЕЦИИ С ВОСТОЧНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Вторая половина II тысячелетия до н. э. является, как известно, периодом наивысшего расцвета ахейского общества, нашедшим отражение в памятниках микенской письменности. Новейшие археологические открытия иллюстрируют высокий уровень развития культуры, различных видов ремесел и, что особенно важно для нашей темы, — мореплавания и торговли. Многочисленные керамические находки дают возможность проследить тесные торговые связи ахейской Эллады не только со странами южного и западного Средиземноморья, но и с Малой Азией, в том числе с ее северо-западной частью и особенно Троей, расположенной на пути к Черному морю. Интересно отметить, что в свете новейших открытий усиливается тенденция отождествления ахейской талассократии с минойской, а легенда о троянской войне рассматривается, как отражение борьбы ахейцев за свободу путей к берегам Черного моря (Дж. Томсон. И. Вольский).

Наряду с торговлей, в жизни ахейской Греции известную роль играло и пиратство, о чем довольно красноречиво свидетельствуют сведения Фукидида (I,7). С последними, в какой-то мере перекликается очень важное и интересное во многих отношениях сообщение Эратосфена, которое сохранилось в «Географии» Страбона: «...древнейшие народы плавали и с целью грабежа или торговли, но не выходили в открытое море, а плавали вдоль берегов, как и Ясон, который по его (т. е. Эратосфена — О. Л.) словам, оставив корабли, из Колхиды дошел походом до Армении и Мидии»¹. (I, 3, 2). Здесь мы, таким образом, имеем прямое указание на торговые и пиратские экспедиции к берегам Черного моря в древнейшую эпоху, когда еще «...никто не дерзал плавать ни по Евсину, ни вдоль Ливии, Сирии и Киликии...», К числу подобных экспедиций традиция относит и поход аргонавтов, упоминаемый уже в поэмах Гоммера: в «Одиссее» упоминаются царь Айэт (X,137; XII,70), остров Аяа (X,135; XI,70; XII,3), предводитель аргонавтов Ясон (XII,72), Пелий (XI,256) и другие пер-

¹ Данное сообщение важно и потому, что оно исходит, по всей вероятности из очень древней традиции, когда Колхида (как мы увидим ниже) мыслилась в районе юго-восточного Причерноморья, южнее р. Чорохи, откуда действительно можно осуществить пеший переход в Армению и Мидию.

сонажи греческих сказаний об аргонавтах: Крефей, Эсон, Фетрет, Амифаон (XI,259), сын Медеи — Мермерос (1,258) и наконец, что особенно важно: „Ἀργὼ πᾶσι μέλουσα, παρ' Αἰήταο πλέουσα" (XI,71), которому удалось проплыть через Планкты (т. е. Симплегады или Кианей поздних авторов, локализуемые у выхода из Босфора в Черное море).

Принято считать, что основная часть сказаний об аргонавтах в виде отдельных эпических песен сложилась еще в догомеровской поэзии. Более того, некоторые исследователи (К. Meuli, Robert) считают, что именно эпическая Аргонавтика легла в основу гомеровских описаний морских приключений Одиссея (Скилла и Харибда, Сирены, царица Кирка, Планкты, Лестригоны).

Миф об аргонавтах, едва ли не самый знаменитый после сказаний о Троянской войне, дошел до нас только в позднейших версиях (все они относятся к периоду позднее VI в. до н. э.). Естественно, что на протяжении многих столетий миф претерпел существенные изменения и в нем отражались изменения географических представлений древних греков на протяжении веков. Поэтому было бы глубоко ошибочным культурно-историческую и даже географическую среду, представленную в позднейших версиях, переносить в эпоху создания греческих сказаний об аргонавтах. Несомненно лишь то, что в древнейшем и первоначальном цикле сказаний нашли отражение первые проникновения греков-ахейцев к берегам Черного моря.

Установлено, что Аргонавтика представляет собой фессалийско-беотийскую легенду (позднее переработанную на ионийской почве), в основе которой лежит беотийское сказание о сыне Орхоменского царя Фрикса, отправившемся на золоторунном баране к царю Аиэту. С этим сказанием и переплетается фессалийский миф о походе аргонавтов за золотым руном. Большинство из аргонавтов по происхождению фессалийцы. В связи с этим, интересен и тот факт, что древнейшая греческая традиция (Пиндар, IV пиф. 69, Геродот, IV,145; Страбон, IX,2,40) аргонавтов называет миниями (т. е. потомками легендарного орхоменского царя Миния).

Беотийский город Орхомен (родина Фрикса) и фессалийский Иолк (родина Ясона и начальный пункт похода аргонавтов) представляли собой крупные центры элладской культуры уже во II тысячелетии до н. э. Некоторые исследователи (в частности, Шахермайер, Орландос и др.), предполагают, что уже, возможно, в середине II тысячелетия до н. э. создаются некоторые легенды, которые впоследствии легли в основу эпических сказаний об аргонавтах. Свидетельством торговой экс-

пансии и тесных взаимоотношений Иолка и Орхомена с далекими странами является также широкое распространение т. н. минийской керамики в Малой Азии, особенно в Трое.

По нашему мнению, можно предположить, что в древнейших фессалийско-беотийских сказаниях о Фриксе и аргонавтах, можно усмотреть два первоначальных этапа путешествия греческих мореплавателей к берегам Черного моря¹.

Тут следует поставить вопрос: насколько реальны утверждения о том, что в греческих сказаниях об аргонавтах нашли отражение связи Микенской Греции с Колхидой? Ведь еще Страбон, считая достоверным поход аргонавтов (1,2,40), писал: «поход за руном становится невероятным, если он был совершен в неведомые и таинственные страны. Поход в пустынные и необитаемые области и столь отдаленные от нашей части света не мог быть ни знаменитым, ни «всеми прославленным».

Тут важно проследить, что же представляло собой восточное Причерноморье во времена первых посещений этой страны греками и могли ли первые связи стать основой мифа, который в греческом мире распространял молву о далекой и богатой стране.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. на юго-восточном и восточном побережьях Черного моря (да и на всей территории Западной Грузии — исторической Колхиды) процветала развитая бронзовая культура, именуемая в настоящее время «колхидской культурой». По всей обширной территории распространения колхидской культуры наблюдается быстрый процесс развития производительных сил и ведущих отраслей хозяйства. Частые находки в культурных слоях этого периода древнейших видов пшеницы и широкое разнообразие сельскохозяйственных орудий (разнотипные мотыги, серпы, некоторые разновидности сегментовидных орудий, каменные зернотерки и др.) считаются показателями высокого уровня развития земледелия в Колхиде в эпоху поздней бронзы, что в какой-то мере перекликается со сведениями, сохранившимися в сказаниях об аргонавтах. Высокого уровня достигло и развитие керамического (основанного на широком применении гончарного круга) производства и особенно медно-бронзовой металлургии. Весьма многочисленные находки бронзовых топоров военного, хозяйственного

¹ Еще Страбон отметил: «Существуют также рассказы о богатствах той страны, состоящей из золота, серебра и железа и заставляющей предполагать истинную причину похода, по которой раньше и Фрикс снарядил это плавание. Существуют и памятники обоих походов: фриксов на рубеже Колхиды и Иберии и Ясона (1,2,39) — ср. Помпоний Мела, De Chorographia, 1,108.

и ритуального назначений (т. н. колхидский топор, часто украшенный гравированным и пластичным орнаментом), земледельческих орудий (мотыги, серпы, т. н. сегментовидные орудия и др.), предметов вооружений (боевые секиры, различных форм кинжалы, мечи, клинки, копья), самых разнообразных булав, фибул, поясов, блях (украшенных сложной художественной литой орнаментацией или различными гравированными изображениями), высокохудожественных статуэток с изображениями человеческих фигур, различных животных (олень, тур, конь, бык, баран) и птиц, а также множество других изделий самых различных форм и назначения (браслеты; кольца, колокольчики, трубки, удила, различные сосуды и т. д.) являются красноречивым свидетельством исключительно высокого уровня колхидской бронзовой металлургии, широко применявшей в эпоху поздней бронзы сложнейшие технические приемы (применение наряду с каменными и песчано-глинистыми формами и металлическими;ковка в приспособлениях, кузнечная сварка, выдавка, чеканка, вытяжка, а также сложные приемы деформации металла: скручивание расплюснутых прутков, гравировка и т. д.). В настоящее время установлено три основных крупных очага колхидской бронзовой металлургии (Чорохский бассейн, территория Абхазии, Рача-Лечхуми), продукция которой не только удовлетворяла спрос местного населения, но и вывозилась в соседние районы (Восточная Грузия, Восточное Закавказье, Северный Кавказ) и дальше (Северное Причерноморье, Южная Украина).

Эпоха поздней бронзы (вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.) на территории Колхиды является периодом высшей ступени развития первобытно-общинных отношений, с одной стороны, а с другой, создания крупных союзов племен, нашедшего свое отражение в образовании обширной территории более или менее однородной высокоразвитой бронзовой культуры («колхидская культура»). Принято считать (Г. А. Меликишвили), что в возникновении этой большой области однородной материальной культуры большую роль сыграло возникшее к концу II тысячелетия до н. э. крупное объединение колхских племен («Килхи», «Кулха» ассирийских и урартских источников), распространившее свою политическую гегемонию на обширной области Восточного и Юго-Восточного Причерноморья. К периоду расцвета колхидской бронзовой культуры и относятся первые посещения греками-ахейцами берегов Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, что и нашло отражение в греческих сказаниях, распространявших молву о далекой и богатой стране царя Аиэта.

Принято считать, что поход аргонавтов был совершен еще до Троянской войны, т. е. до 40-х годов XIII века до н. э. Примечательно, что участниками похода аргонавтов являются предшественники и даже отцы героев Троянской войны. Античная традиция (Геродот, Эратосфен, Евсевий) также совершенно определенно приурочивает поход аргонавтов к ахейскому периоду.

Можно полагать, что после покорения Трои, путешествия греков-ахейцев к берегам Черного моря должны были участиться. Доказательством этому служат находки поздней микенской керамики в Ак-Алане, близ нынешнего Самсуна. Большой интерес представляет широкое распространение на территории Колхиды (а также в Восточной Грузии и на Северном Кавказе) бронзовых фибул т. н. субмикенского типа. Последние, как известно, были созданы в XII в. до н. э. на территории Греции. Весьма важно, что в то время, как субмикенские фибулы, в связи с их распространением на широкой территории и в соседних с греческим миром странах, видоизменяются, то на территории Колхиды (и вообще Закавказья) они сохраняют те формы, которые были созданы в первоначальном виде (одночленные дугообразные фибулы с поперечной-елочной резной орнаментацией и пьвякообразным оформлением дужки). Поэтому, несомненным является проникновение фибул субмикенского типа, столь характерных для стран греческого Средиземноморья, на территорию Колхиды в XII в. до н. э. именно морскими путями (Б. А. Куфтин).

К концу XII в. до н. э. дорийское нашествие положило конец микенской культуре. Этим завершается первый, т. н. ахейский, период взаимоотношений греческого мира с Восточным Причерноморьем. Однако эти взаимоотношения были спорадическими и случайными. По существу они ограничивались первыми путешествиями греков к берегам Черного моря, но вместе с тем были сделаны и первые шаги к освоению путей к берегам Черного моря, а в греческом мире накопились первые сведения и представления (пусть еще довольно смутные) о далеких странах и племенах Восточного Причерноморья.

Глава II

ИОНИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И КОЛХИДА

Начало регулярных взаимоотношений античного мира с Колхидой совпадает с периодом греческой колонизации берегов Черного моря.

Проблема греческой колонизации Колхидского побережья является одной из наиболее сложных и малоизученных, ввиду чрезвычайной скудности письменных источников, почти полного отсутствия эпиграфических памятников и все еще далеко не достаточного археологического исследования.

Наличие эллинских поселений на территории Колхиды засвидетельствовано сведениями античных писателей (Псевдо Скилак — фр. 81; Гераклид Понтийский, XVIII; Помпонию Мела, *De Chorographia*, I, 108; Арриан, *Перипл*, 10; Анонимный «Перипл» V в., § 44; Стефан Византийский, *Ethnica*, s. v. *Φασις*). Однако эти сведения ограничиваются лишь упоминанием поселений (иногда они называются полисами) греков (милетян) на восточном берегу Черного моря и не содержат никаких данных об их политическом и социально-экономическом строе, о взаимоотношениях с местным населением и т. д. Тем не менее, на основании лишь этих весьма скудных и фрагментарных сведений, принадлежащих при этом, в основном, поздним авторам, греческие поселения Колхиды рассматривались (С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич, Б. А. Куфтин, А. И. Болтунова и др.) как чисто греческие города-колонии (полисы), по аналогии с теми многочисленными поселениями, которые возникли в процессе греческой колонизации в юго-восточном, западном и северном Причерноморье.

Но на основании археологических материалов, добытых за последние годы на территории Колхиды, была отмечена ведущая роль местного населения в возникновении и развитии приморских городов Колхиды, что указывает на особенности процесса греческой колонизации в Колхиде. Ряд исследователей (М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, З. В. Анчабадзе) склонны рассматривать эти города, как смешанные, т. е. греко-местные поселения. Но и такая постановка вопроса кажется нам в настоящее время не совсем удовлетворительной, так как она является попыткой примирения, с одной стороны традиционного, но недостаточно документированного и обоснованного взгляда о приморских городах Колхиды, как чисто греческих колониях, а с другой — большого археологического материала, свидетельствующего о местном характере приморских поселений Колхиды. Определение характера и форм организации греческих поселений Восточного Причерноморья имеет исключительно важное значение для изучения форм взаимоотношений греческого мира с Колхидой и их последствий. Важно выяснить роль греческой колонизации в социальной, экономической и политической организации Колхиды и в развитии материальной и духовной культуры ее населения.

Греческая колонизация в VIII—VI вв. до н. э. представляла собой, как известно, форму вынужденных переселений, обусловленную, в первую очередь, внутренним развитием древнегреческого общества (недостаточное развитие производительных сил, ожесточенная социальная и политическая борьба и т. д.). Однако, это касается лишь вопроса о причинах греческой колонизации. Другая же сторона этой проблемы — сам процесс основания греческих колоний. Можно с уверенностью сказать, что этот процесс не был единым и однородным на всей территории Понта Эвксинского. Он протекал различно в зависимости от тех условий, которые сложились среди местного населения до начала и в период греческой колонизации. Еще до возникновения греческих поселений развитие местных причерноморских племен было чрезвычайно разнообразным в силу этнической разнородности всей этой огромной территории и различного уровня социально-экономического и культурного развития древнейшего населения Причерноморья. Уже на начальном этапе колонизации Понта греческим поселенцам приходилось таким образом сталкиваться с самыми различными условиями и, следовательно, уже поэтому, было бы неправильно рассматривать греческую колонизацию всего Причерноморья, как процесс, протекавший одинаково в различных его районах, а Причерноморье, как единый культурно-исторический район.

В специальной научной литературе давно было высказано мнение, что «... колонизация являлась выражением двустороннего исторического процесса, она была обусловлена всем предшествующим развитием как самых греков, в первую очередь, ионийцев, так и местного населения наших степей... Только с переходом местного населения на высшую ступень варварства создаются условия для основания колоний и их дальнейшего развития» (А. А. Иессен). Эта точка зрения, явно преувеличивавшая роль торговли в процессе колонизации и повторенная во многих работах, посвященных вопросам истории Причерноморья античной эпохи, в настоящее время справедливо отвергается рядом исследователей (Я. В. Доманский, Д. Б. Шелов и Н. И. Сокольский, С. Ф. Стржелецкий, В. В. Лапин, И. Б. Брашинский): греческие города, возникшие в процессе колонизации, представляли собой самостоятельные города-государства с собственной экономической базой (развитым ремесленным производством и земледелием). Посредническая же торговля была лишь одной из отраслей в их хозяйстве и она не всегда играла ведущую и определяющую роль в экономике городов-колоний. Из этого вытекает предположение, что высокий уровень развития местного населения не всегда создавал благоприятную почву для греческой колонизации и превращения греческих

поселений в самоуправляющиеся городские общины — полисы. Напротив, наличие оседлого населения с сильно развитым ремесленным производством и интенсивным земледелием должно было существенно ограничить возможности развития греческих поселений и препятствовать превращению их в эллинские полисы, основанные на эксплуатации окружающего их местного населения. Вопрос о земле занимал важное место в процессе колонизации¹, ибо большинство греческих городов возникло как земледельческие поселения и центры производящие. На примере Северного Причерноморья мы знаем, что целый ряд греческих поселений появился уже в результате роста ранее возникших крупных городов, из которых часть жителей переходила затем во вновь организуемые поселения (т. н. внутренняя колонизация).

Совершенно иная картина наблюдается на восточном, т. е. колхидском побережье Черного моря. В настоящее время, как нам кажется, можно смело утверждать, что в Колхиде не было самостоятельных греческих городов-государств, каковыми были к примеру Ольвия и Херсонес в Северном Причерноморье, или Томи, Истрия и Аполлония на западном побережье Черного моря, или Синопа, Амис и др. в юго-восточном Причерноморье и т. д. Не возникло здесь и смешанного многоплеменного царства с ведущим греческим этническим элементом типа Боспорского государства. Тут, по-видимому, решающую роль сыграло то обстоятельство, что процесс греческой колонизации совпал с периодом образования в Колхиде классового общества и государства.

Выше мы отмечали (гл. I) высокий уровень социально-экономического и культурного развития населения Колхиды во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. В этот период по всей территории Колхидской низменности отчетливо прослеживается процесс отделения ремесла от земледелия, усиление межплеменных сношений, выделение родовой аристократии, далеко зашедшая имущественная дифференциация. Уже в VI—V вв. до н. э. на территории нынешней Западной Грузии возникает государство. Это явилось завершением длительного процесса социально-экономического и культурного развития населения древней Колхиды, в чем решающую роль сыграло развитие металлургии железа. В настоящее время признано, что уже во всяком случае с VII в. до н. э. в Западной Грузии наступает период широкого освоения

¹ Античные писатели, как известно, часто сообщают, что основание колоний сопровождалось вытеснением местного населения или его порабощением. См. напр., сведения Страбона о Пантикапее (XI,2,5); Ксенофонта об основании г. Котиора («Анабасис», V,5,10); такая же история основания городов в Сицилии, Италии, Северной Африке.

железа. При этом следует подчеркнуть, что с VII в. до н. э. железное производство носит массовый характер (Г. Ф. Гобеджишвили). Это подтверждается, с одной стороны, весьма частыми находками остатков производства (железоплавильные печи, шлаки, глиняные сопла, глиняные обмазки печей), которые найдены почти повсеместно по всей Колхиде (Чорохское и Чолокское ущелья, Супса-Натанеби, Горная Сванети, среднее течение р. Ингури). С другой же стороны, прямым свидетельством широких масштабов развития железной металлургии является наличие в погребениях VIII — VII вв. до н. э. самых разнообразных железных предметов военного и хозяйственного назначения (топоры, кинжалы, копья, ножи и др.).

Доказательством в пользу наличия государственной организации в Колхиде исследователями привлекается факт широкого и интенсивного обращения с VI в. до н. э. местных монет государственного чекана — серебряных «колхидок». Некоторые исследователи (Б. А. Куфтин, А. И. Болтунова и др.) предполагали, что колхидки чеканились греческими городами-колониями. Однако негреческий облик некоторых (в том числе и самых ранних номиналов) «колхидок» и особенности сферы их распространения дают основание утверждать их местное происхождение (Д. Г. Капанадзе, К. Г. Голенко). Если считать, что «колхидки» чеканились греческими городами Колхиды, то в таком случае следовало бы признать, что либо эти монеты выполняли посредническую роль для сношений Колхиды с внешним рынком, либо доказать, что греческие поселения Колхиды были крупными производящими центрами (археологические материалы не дают еще основания для такого рода утверждения) и «колхидки» чеканились ими для организации торговли своей продукцией с местным населением. Ареал «колхидок» полностью совпадает с территорией Колхиды: они встречаются главным образом в междуречье рр. Ингури и Риони (т. е. внутренних районах страны), а также в приморской полосе от г. Сухуми до р. Чорохи. За пределами Колхиды находки «колхидок» крайне редки. Таким образом, совершенно бесспорно, что эти монеты были предназначены для местного, внутреннего рынка. В таком случае следует признать, что чеканка осуществлялась местными государственными властями и была обусловлена интересами и потребностями развития товарного производства Колхиды. Следует добавить, что число найденных «колхидок» достигает нескольких тысяч. При этом, в последнее время участились их находки и в горных районах Колхиды. Обилие кладов, состав которых обычно исчисляется несколькими сотнями монет, свидетельствует о том богатстве, которое

скопилось в руках отдельных семейств. Все это, наряду с изучением отдельных видов ремесел (керамическое, железообрабатывающее, текстильное, ювелирное), является довольно красноречивой иллюстрацией высокого уровня и широких масштабов товарного производства в Колхиде в VI — V вв. до н. э., что, в свою очередь, характерно лишь для развитого в социально-экономическом и культурном отношении общества.

В то время, когда колонизационное движение греков обращается к Восточному Причерноморью, на территории Колхиды происходит процесс превращения крупных земледельческих поселений в поселения городского типа (торгово-ремесленные центры), вокруг которых сосредотачиваются более мелкие поселения. В настоящее время поселения городского типа уже открыты в наиболее развитых районах Колхидской низменности (Сачхерэ, Кутаиси, Вани-Даблагоми).

Археологическая карта Колхиды I тысячелетия до н. э. свидетельствует о значительной густоте населения Колхидской низменности и, что особенно важно, (при исследовании условий греческой колонизации) — по всей прибрежной полосе. Этот район (прибрежная полоса) был освоен местным населением уже с эпохи энеолита и ранней бронзы. С середины же II тысячелетия до н. э. довольно отчетливо прослеживается непрерывный и единый процесс развития всего населения Колхидской низменности как в прибрежных, так и в внутренних районах. Культурное единство еще отчетливее вырисовывается в период поздней бронзы — раннего железа, а особенно в античную эпоху.

Археологические исследования в приморской полосе Колхиды (Батуми, Цихидзири, Кобулет, Уреки, Пот, Кулеви, Анаклиа, Очамчире, Сухуми, Эшери, Пицунда-Лдзаа) свидетельствуют, что еще до начала и в период греческой колонизации Причерноморья вся эта территория была густо заселена местным населением, производственная деятельность которого, наряду с земледелием и ремеслом (керамическое, железообрабатывающее, текстильное), теснейшим образом, была связана с морем (рыболовство, соляные промыслы). К этому следует добавить, что именно на территории Восточного Причерноморья, в ее прибрежной полосе, сейчас выявлены остатки железообрабатывающих мастерских до- и раннеантичного времени. При этом, в районе от Кобулет до Уреки производство было основано на обработке магнетитных морских песков (Н. В. Хоштария, И. А. Гзелишвили).

Таким образом, при исследовании условий, в которых должна была протекать греческая колонизация в Колхиде, мы приходим к выводу, что наличие Колхидского государства с поселениями городского типа, с развитым товарным ре-

месленным производством и денежным хозяйством, с одной стороны, а также наличие в приморской полосе Колхиды местного населения, производственная деятельность которого, наряду с земледелием и ремеслом, теснейшим образом была связана с морем, должны были существенно ограничить возможности греческой колонизации в этом районе и препятствовать возникновению на Колхидском побережье греческих колоний, т. е. самостоятельных и независимых полисов, с собственной экономической базой (ремесленным производством, земледелием) и основанных на эксплуатации окружающего населения. Действительно, археологические исследования в районах предполагаемых греческих колоний, как будто, подтверждают вышесказанное.

Обычно к греческим колониям относят: Фасис, Гиенос и Диоскурию.

Название города Фасис (Φᾶσις) который обычно считают самым крупным греческим центром в Колхиде, не греческое. «Фасис» — гора в верховьях р. Риони (др. Фасис), откуда и берет название река (Фасис) и соименный ей город. Слова с основой «фас» широко распространены в топонимике и вообще ономастике Западной Грузии (Т. К. Микеладзе). Интересно также, что в схолиях к сочинению буколического поэта Феокрита (К «Ид.» XIII, 75) сохранилось весьма любопытное сообщение: «Мнасеас (ученый александрийской эпохи, предположительно, учитель Эратосфена — О. Л.) говорит, что колхи свое имя получили от Колхоса, сына Фасиса („Μνασέας δὲ Κόλχους φησὶ κληθῆναι ἀπὸ Κόλχου τοῦ Φάσιδος)». Таким образом, город Фасис носит название высшего божества колхского пантеона, а его изображение (по указанию Феокрита) стояло у реки¹. Однако эти данные, конечно, не могут служить основанием для суждения об эллинском или неэллинском характере г. Фасис.

Археологическими исследованиями в районе предполагаемого местонахождения Фасиса² в настоящее время уже

¹ Позже, Арриан видел в Фасисе статую Фасианской богини (PPE, § 9), которая считается местным женским божеством (Б. А. Куфтин, А. И. Болтунова, Т. К. Микеладзе, Н. Ю. Ломоури и др.).

² Местонахождение города Фасиса еще окончательно не установлено, несмотря на неоднократное указание источников (Страбон, XI, 2, 17; Арриан, Перипл § 9; Птолемей, V, 9, 2; Аноним V в., § 46; Агафий, III, 30), о нахождении города на левом берегу реки Фасис у ее устья. Упоминание же Страбоном (XI, 2, 17; XI, 3, 4) и Агафием (III, 21) озера, отождествляемого с нынешним озером Палиасти, делает очевидным, что город находился в окрестностях г. Пот. Однако частые перемещения русла р. Риони и неустойчивый режим морского берега чрезвычайно за-

на довольно большой территории вскрыты поселения с чисто местным обликом (жилища, домашняя утварь, обильный керамический материал). При этом прекрасно прослеживается преемственная связь этих поселений с поселениями предыдущего периода. Если считать, что эти поселения возникли под влиянием греческих городов, то здесь, если не все, то ведущее должно быть греческим. На самом же деле, эллинизм представлено только импортом (ионийские и аттические изделия), который весьма незначителен и тонет в общей массе местного материала.

Совершенно аналогичная картина наблюдается также в районе Очамчире (древний Гиенос)¹ и Сухуми (древняя Диокурия)². В настоящее время, как известно, значительная часть города Диоскурии находится на дне моря, и мощные пласты ила затрудняют производство гидроархеологических исследований. Однако археологические раскопки и разведки на территории города Сухуми и его окрестностей (пос. Красный Маяк, Сухумская гора, Гуад-Иху, Яштух, холм Ахвил-Аба и др.) показали, что вся эта территория в античную эпоху

затрудняют локализацию древнего города. Разведочные археологические работы (Т. К. Микеладзе, О. Д. Лордкипанидзе) подтверждают высказанное ранее мнение (М. Бердзенишвили), о возможной локализации Фасиса восточнее нынешнего г. Поти. Действительно, геологические бурения на глубине 10 м, произведенные при археологических разведках, показали, что территория г. Поти и его восточная окраина (примерно на расстоянии 5—7 км от центра) в недалеком прошлом была занята морем (на глубине 5—10 м распространены пески морского происхождения и найдены остатки морской фауны). На наличие в античную эпоху в этом районе глубокого залива, как будто, указывают и письменные источники (ср. Птолемей, V, 9,1). Следует также отметить, что возраст археологических памятников «молодеет» с востока на запад: так, в районе Чаладзи (примерно в 18 км к востоку от Поти, по обе стороны р. Риони) обнаружены памятники эпохи поздней бронзы и целая система поселений VI—V вв. до н. э., которые, несомненно, являются предместием или даже частью г. Фасиса. В 5—6 км к западу известны памятники исключительно эллинистического периода, еще западнее — в районе нынешнего Патара Поти — открыты слои V—VI вв. н. э.

¹ Упоминаемый Псевдо-Скилаком (фр. 81) город Гиенос локализуется в районе Очамчире и отождествляется с тем поселением, которое было открыто и исследовано в 1935—1937 гг. (М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев, Б. А. Куфтин. Материалы раскопок, которые хранятся в Абхазском Гос. музее, опубликованы, лишь частично).

² Ряд исследователей (И. А. Орбели, С. Н. Джанашиа, Л. Н. Соловьев, Т. К. Микеладзе, И. Г. Шенгелиа) предполагают, что название — Диоскурия является греческим осмыслением местного топонима.

(как и в доантичный период) была густо населена местными племенами¹. При этом, обнаруженное при раскопках поселений и могильников огромное количество предметов (керамика, украшения, земледельческие и военные орудия) является продукцией местных ремесленных мастерских. Встречаются также импортные изделия средиземноморских центров, однако, как и в районе Фасиса, в VI—IV вв. до н. э. совершенно отсутствуют местные греческие изделия. Это обстоятельство трудно объяснить при наличии греческих городов-полисов, в экономике которых ремесленное производство занимало одно из ведущих мест².

Таким образом, результаты археологических исследований в Колхиде, особенно в ее приморской полосе (Кобулет-Пичвнари, окрестности Поти, Очамчире и Сухуми), т. е. на той территории, которая должна была быть окружением предполагаемых греческих полисов, исключают, как нам кажется, возможность существования этих полисов. На Колхидском побережье Черного моря в VI—IV вв. до н. э. как уже отмечалось, мы не находим буквально никаких следов тех перемен в жизни местного населения, которые обычно сопровождают процесс греческой колонизации: почти полная культурная эллинизация местного населения, образование смешанных этнических групп, распространение изготовленных в этих городах-колониях ремесленных изделий и т. д. (вспомним окружение Ольвии и развитие населения нижнего Побужья, Синдики и т. д.).

Таким образом, имеющийся в настоящее время довольно обширный материал не дает нам основания рассматривать греческие поселения на территории Колхиды, как города-колоний³ или полисы.

¹ О наличии в районе Диоскурии также и греческого населения свидетельствует найденная в 1952 г. надгробная стела (см. гл. IV).

² Окружающую приморские города Колхиды сельскую территорию, как мы отмечали, занимало местное население, которое должно было быть основным потребителем городской ремесленной продукции.

³ Следует отметить, что в сочинениях тех греческих историков (Дионисий Халкидский, Полемон из Илиона, Псевдо-Скимн, Евсевий Кесарийский), которые дают хронологию и историю основания колоний, нет сведений о греческих городах Восточного Причерноморья. Страбон, один из самых осведомленных историков Причерноморья, упоминая Фасис и Диоскурию (ср. XI, 2,16—17), не называет их колониями, в отличие, например, от Пантикапея (VII, 4, 4) или Херсонеса (VII, 4,2) и т. д. Все сведения, которые прямо или косвенно указывают на основание в Колхиде милетцами своих городов — колоний, относятся к позднему времени. Напрашивается вопрос — не отразилась ли в этих сведениях та традиция, по которой приписывалось Милету основание 75 (а по другой версии, да-

Можно предположить, что в Колхиду греческие поселенцы не принесли сложных эллинских форм политической и социальной организации. Не было создано здесь в VI—IV вв. до н. э. не только настоящей античной культуры, хотя бы с преобладающим греческим обликом, столь обязательным при широких масштабах колонизации, но не ощущается даже сколько-нибудь заметной эллинизации местного населения.

Весьма важно, что в раннеантичную эпоху, в большей или меньшей степени, но совершенно отчетливо выступает культурное единство населения всей Колхиды (как приморской, так и внутренних районов), основанное на многовековых традициях колхидской культуры эпохи бронзы. Основные и ведущие типы керамики раннеантичной Колхиды, их формы и орнаментация, одинаково характерны как для приморской полосы, так и для внутренних районов. Аналогичная картина наблюдается и в других памятниках материальной культуры Колхиды — металлические изделия хозяйственного и военного назначения, в основном, повторяют те формы, которые были выработаны еще в эпоху бронзы. Нет сколько-нибудь ощутимых следов греческого влияния и в предметах украшений (фибулы, браслеты), а также в ювелирных изделиях. В этот период (VI—IV вв. до н. э.) памятники материальной культуры Колхиды указывают на связи с тем культурным миром, который принято называть ахеменидским. Греческое влияние на материальную культуру Колхиды в VI—IV вв. до н. э. кажется нам весьма поверхностным: оно выразилось в появлении греческих букв на монетах, IV—III вв. до н. э., а также в весьма интересном факте находок монет в погребениях (не ранее IV в. до н. э.), что по всей вероятности, можно связать с влиянием греческих захоронных представлений.

По нашему мнению, греческие поселения на территории Колхиды представляли собой торговые фактории-эмпории¹, через которые осуществлялись торгово-экономические взаимоотношения античного мира с Колхидой.

Основание эмпориев было обусловлено, по-видимому, высоким уровнем развития населения самой Колхиды и, в

же 90) колоний. Достоверность этой традиции, как известно, вызывает справедливые сомнения у современных исследователей. По этому поводу С. А. Жебелев предостерегал: «... значение литературных свидетельств о колонизации не следует переоценивать. Записей, относящихся ко времени образования колоний, особенно ранних, еще не существовало. Данные же, попавшие в позднейшую литературу, большей частью представляют собой изложение всякого рода преданий и домыслов».

¹ О наличии в районе Фасиса эмпория обособленно от города, как будто указывают и сведения Псевдо-Гиппократ. («Περὶ αἰρώων»... § 15.)

первую очередь, наличием развитого товарного производства, что являлось необходимым условием для интенсивного товарообмена. Развитию торговых взаимоотношений способствовал высокий уровень организации торговли в Колхиде (мы уже указывали на местный денежный чекан). В связи с организацией торговли, большой интерес представляют сведения Аполлония Родосского, что «колхи сохраняют сделанные на кирбах записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников». Сведения Аполлония Родосского, а также сведения Страбона о наличии, якобы, на р. Фасис 120 мостов, может служить свидетельством высокого уровня организации торговли и торговых путей.

Глава III

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АНТИЧНОГО МИРА С КОЛХИДОЙ В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Греческие торговые фактории, основанные на колхидском побережье Черного моря, сыграли важную роль в установлении и развитии торгово-экономических взаимоотношений античного мира с населением древней Колхиды.

Греко-римские источники сохранили ряд сведений о товарах, вывозившихся из Колхиды в античную эпоху. В экспорте видное место занимал корабельный и строевой лес, воск, мед и смола (Strab., XI, 2, 17). Ряд исследователей предполагает также экспорт железа и золота. В античную эпоху хорошо была известна и высоко ценилась и колхидская дичь¹.

Из Колхиды вывозились также ремесленные изделия. Уже во времена Геродота Колхида широко славилась своими льняными изделиями и даже, по-видимому, соперничала с Египтом (Геродот, II, 105; Ксенофонт «Об охоте», II, 4; Страбон, XI, 2, 17).

В письменных источниках не сохранилось сведений о существовании в Колхиде рабского рынка, но факт вывоза ра-

¹ О богатствах лесами сообщает и Псевдо-Гиппократ («Περὶ αἰρώων»... § 15). К сожалению, организация экспорта леса (рубка, транспортировка) как и других товаров, остается неясной.

¹ Античные писатели связывали название фазана в греческом φασιανός и латинском (fasianus) с окрестностями Фасиса. Следовательно, аналогичного происхождения это слово и в некоторых современных европейских языках (русское-фазан, нем. — Fasan, англ. — pheasant, франц. — faisant).

бов как будто не вызывает сомнения. На это указывает хотя бы трогательный рассказ Ксенофонта о наличии в его армии бывшего раба, по происхождению макрона («Анабасис», IV, 8,4). Раб „Κόλχος“ упоминается в надписи, составленной в Афинах 415/414 гг. до н. э., при процессе Гермеконидов. Из этой надписи мы узнаем, что раб колх, принадлежавший метеку Кефисодору, оценивался в 153 драхмы. Рабом был, вероятно, также творец знаменитой берлинской чернофигурной гидрии: Κόλχος ῥ' ἀποήρσεν гласит надпись на гидрии. К сожалению, эти скудные данные не могут служить основанием для суждения о масштабах вывоза рабов из Колхиды.

На раннем этапе торгово-экономических взаимоотношений античного мира с Колхидой совершенно отчетливо прослеживается активная роль восточно-греческих (ионийских) торгово-ремесленных центров. В конце VII и в первой половине VI в. до н. э. связи носят весьма спорадический характер (известны, лишь единичные находки импортной керамики этого времени). Но уже с середины VI в. и особенно во второй половине VI в., на территорию Колхиды начинается сравнительно интенсивное проникновение античного импорта. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в течение VI в. до н. э. античный импорт распространяется, главным образом, в прибрежной полосе до г. Фасиса, и через него по Рионо-Квирильской речной магистрали во внутренние районы Колхиды. Крайне редки (буквально единичны) находки VI в. в северо-западной части Колхиды. Если это не случайность, то можно было думать, что торгово-экономические связи греков с населением с.-з. части Колхиды устанавливаются несколько позже — в самом конце VI в. или в начале V в. до н. э.

В VI в. до н. э. в торговле с Колхидой, как мы уже отметили, ведущую роль играют ионийские торгово-ремесленные центры. В археологических материалах Колхиды представлены следующие группы восточно-греческой расписной керамики: «полосатая» ионийская керамика (Батуми, Цихисдзири, окрестности Фасиса), «Родосско-ионийская», известная пока что по находкам в окрестностях Фасиса (килики с орнаментом в виде розеток) и единичные находки группы Фикеллюра (Авлеви). По характеру глины выделяются изделия родосских, самосских и других, пока неизвестных, центров. Посредником в распространении этой керамики, возможно, был Милет (Р. В. Шмидт).

Весьма интересно, что уже во второй половине VI в. до н. э. ионийский импорт по р. Фасис и дальше проникает во внутренние районы Колхиды и даже в Восточную Грузию.

Наряду с указанными группами керамики, особенно в прибрежных поселениях Колхиды, в сравнительно большом количестве обнаруживаются обломки керамической тары — остродонных амфор. Подавляющее большинство их в VI в. до н. э. принадлежит продукции ионийских торгово-ремесленных центров. Особенно часты находки хиосских, лесбосских (и его круга) амфор. Последние в VI в. до н. э. проникают и во внутренние районы (Даблагоми). Довольно часто встречаются также обломки амфор с т. н. стаканообразными ножками и других неизвестных пока производственных центров.

С последней четверти VI в. до н. э. наблюдается проникновение на территорию Колхиды и аттического импорта. К этому времени относятся единичные находки как в Колхиде (Кобулети-Пичвнари, окрестности Фасиса), так и в Восточной Грузии (с. Ховлэ). Более многочисленны находки аттической керамики V—IV вв. до н. э. (поздние-чернофигурные «беглого» стиля, краснофигурные и, особенно, чернолаковые сосуды самых разнообразных форм). В V—IV вв. до н. э. аттическая керамика широко распространена как в прибрежной полосе Колхиды (Батуми, Цихисдзири, Кобулети-Пичвнари, Кохи, Уреки, окрестности Фасиса, Анаклиа, Очамчире, Сухуми и его окрестности, Гудаута), так и во внутренних районах (Букисцихе, Вани, Даблагоми, Кутаиси и его окрестности, Сачхере, Итхвиси, Брили).

Со второй половины V в. до н. э. в Колхиде распространяется и фасосский импорт, что, как предполагают, связано опять-таки с аттической посреднической торговлей (Б. Н. Граков). Наряду с обломками фасосских и его круга амфор (Батуми, Кобулети—Пичвнари, Очамчире, Сухуми, Даблагоми, Чогнари) встречаются также весьма своеобразные лекифы (Кобулети-Пичвнари, окрестности Фасиса, Даблагоми, Брили), которые по характеру глины также можно отнести к изделиям Фасоса.

В V—IV вв. до н. э. продолжался и ввоз хиосского вина, как об этом свидетельствуют находки пухлогорлых амфор V в. (Батуми, Кобулети—Пичвнари, Эргета, Очамчире), так и амфор с «колпачковыми» ножками IV в. до н. э. (Батуми, Кобулети—Пичвнари, Очамчире, Даблагоми).

Через греческие торговые фактории осуществлялись связи Колхиды также с египетскими и сирийскими торгово-ремесленными центрами, откуда поступали цветные стеклянные бусы, полихромные стеклянные бальзамарины («финикийские») и др. предметы.

Уже с VI в. до н. э., налаживаются сношения Колхиды с Северным Причерноморьем. Об этом свидетельствуют находки колхидской керамики в культурных слоях Пантикапея и Мирмекия, колхидских пифосов и серебряных монет («кол-

хидок») в Нимфее. Большой интерес представляет найденный в 1962 г. в Пантикапее в архаическом слое ионийский святильник VI в. до н. э., на доннышке которого сохранилось графитто «Колхос»¹. Следует отметить, что этникон «Колхос» в качестве собственного имени встречается и в боспорских надписях IV в. до н. э. (КБН, №№ 200, 230).

Таким образом, можно констатировать оживленные торгово-экономические связи античного мира с Колхидой в VI — IV вв. до н. э. Намечаются два основных периода. Первый период охватывает VI в. до н. э. (главным образом, его вторую половину), когда во взаимоотношениях с Колхидой ведущую роль играют восточно-греческие торгово-ремесленные центры. С начала V в. до н. э. замечается ослабление торговых связей, но уже с середины V в. начинается новый подъем торговли греческого мира с Колхидой, который продолжается почти до последней четверти IV в. до н. э. В этот период доминирующее положение занимают Афины, которые доставляют в Колхиду свои ремесленные изделия (главным образом, керамику), а также высокосортные вина, оливковое масло, благовония. Основными потребителями импорта в Колхиде в этот период были, по-видимому, представители высших слоев общества¹.

Следует отметить, что, по-видимому, торгово-экономические связи античного мира с Колхидой никогда не принимали таких широких масштабов, как с другими областями Понта, и в первую очередь, с Северным Причерноморьем, особенно с Боспорским царством, которое в IV в. до н. э. являлось одним из главных поставщиков хлеба на средиземноморские рынки.

Глава IV

СУХУМСКАЯ СТЕЛА.

Выдающимся памятником греческой культуры является надгробная стела из мелкозернистого белого (скорее, телесного цвета) мрамора, найденная в 1953 г. на дне моря вблизи гор. Сухуми, т. е. в районе древней Диоскурии. На сухумской стеле представлена трехфигурная композиция: умершая

¹ Весьма показательно, что аттическая керамика, как правило, встречается в богатых погребениях. Например, в Итхвиси чернофигурный килик и чернолаковая ваза найдены вместе с весьма богатым погребальным инвентарем (серебряные кубки, диадема, бронзовые изделия и т. д.). Аналогичные случаи наблюдаются также в Брили и Вани.

изображена сидящей в кресле и обнимающей правой рукой прислонившегося к ее коленам обнаженного мальчика. На заднем плане — фигура молодой девушки в подпоясанном аттическом пеплосе без рукавов, держащей в левой руке шкатулку (погребальный подарок) с различными украшениями магического назначения. Изображение на сухумской стеле следует рассматривать как сцену прощания с умершей, которая представлена в кругу своих родных — ребенка и девушки, провожающей покойную в последний путь со специальным надгробным подарком.

Наиболее близкую аналогию сухумской стеле по сюжету изображения представляют стелы Фрасиклея и Архистрата. Однако они отличаются от сухумской как по стилю изображения, драпировке и постановке фигур, так и по форме (имея архитектурное оформление в виде пилястров и выполненные в довольно высоком рельефе изображения, их следует датировать временем не ранее IV века до н. э.).

Изучение развития форм греческих стел (Дж. Рихтер, Г. Дипольдер) и сюжетов надгробий дают некоторые предварительные хронологические рамки для датировки сухумской стелы: увенчанная фронтоном широкая плита с многофигурной композицией (с тремя действующими лицами) должна была появиться не ранее 30-х годов V века до н. э., с другой стороны, очень низкий рельеф, порой сочетающийся с плоскостным изображением, а также отсутствие бокового архитектурного обрамления, исключают ее датировку периодом позднее начала IV в. до н. э., когда архитектурное оформление греческих стел, как правило, имеет сложную профилировку, а изображение носит форму почти круглой скульптуры.

Стилистически наиболее близкую аналогию сухумский рельеф находит в стеле Крито и Тимаристы, найденной в 1930 году на Родосе. Тут мы находим поразительные совпадения: совершенно аналогичную трактовку голов стоящей фигуры на сухумском рельефе и Крито на родосской стеле (тот же овал лица, манера передачи волос, форма уха, легкий наклон головы к левому плечу). Только лишь глаз у Крито дан почти в профиль (впрочем, как у мальчика на сухумской стеле). В той же очень близкой манере переданы лица Тимаристы и умершей женщины на Сухумском рельефе (линия лба и носа, губы, округленный подбородок, глаз, шея). Очень близки эти два рельефа и по моделировке одежды и даже по постановке фигур: подпоясанный аттический пеплос, в котором на сухумском рельефе представлена стоящая девушка со шкатулкой, совершенно аналогичен пеплосу Тимаристы даже в передаче отдельных линий складок. Можно с большой долей вероятности предположить, что и поза стоящей

фигуры на сухумском рельефе была сходной с позой Тимаристы, т. е. она опиралась на левую ногу, слегка отставив назад согнутую в колене правую незадрапированную ногу. Наконец, также очень близко одеяние сидящей женщины (на сухумском рельефе) с одеждой Крито: тот же льняной хитон, складки которого местами (на груди) переданы резными линиями; накинутый сверху гиматий, округленные складки которого подобраны у Крито на бедре, а у сидящей женщины на сухумском рельефе — на коленях (в силу различной постановки фигур). Непонятные, на первый взгляд, тяжелые складки, свисающие над спинкой кресла на сухумской стеле, также повторяют линии складок гиматия, перекинутого через левое плечо Крито (сказалось неумение мастера сухумского рельефа показа перспективы, из-за чего свисающие над креслом складки гиматия кажутся отделенными из общей драпировки).

Родосскую стелу Крито и Тимаристы большинство исследователей (Якобшталь, М. Риккерт, Е. Пфуль, Г. Липольд, Дж. Рихтер) датирует около 420 г. до н. э.

Постановка фигуры и характер одежды стоящей женской фигуры на сухумском рельефе (а также Тимаристы на родосской стеле), повторяют почти традиционный тип женских изваяний, созданных под непосредственным влиянием скульптур Парфенона (восточный фриз) и получивших широкое распространение в надгробных и вотивных рельефах в последней четверти V века до н. э. (рельефы Архандроса, Ксенократея, посвятивший рельеф из Элевсина с изображением Афины, датированный 421—420 гг. до н. э. К тому же кругу следует отнести и аттический вотивный рельеф Луврского музея, датированный 410/409 гг. до н. э.).

При сравнении сухумской стелы с указанными выше рельефами последней четверти V века до н. э., которые отражают уже вполне сложившийся стиль этого времени, отчетливо выступают черты некоторой схематичности и архаичности. Это и дает основание для ее датировки несколько более ранним временем: между временем восточного фриза Парфенона (442—432 гг. до н. э.) и указанными выше рельефами (Крито и Тимаристы, Архандроса, Ксенократея и др.). То есть, сухумская стела должна быть датирована около 430—420 гг. до н. э.¹

Вопрос о месте изготовления сухумского рельефа является чрезвычайно сложным: сильное аттическое влияние и в

¹ Относительно датировки сухумской стелы высказывались различные предположения: конец V — первая половина IV в. до н. э. (М. М. Трапш), середина V в. до н. э. (С. В. Барнавели), вторая половина V в. до н. э. (И. Н. Цицишвили), вторая половина IV в. до н. э. (Т. К. Микеладзе).

общем аттический по стилю облик несомненен, но вместе с тем ряд особенностей делает возможным предполагать связи и с ионийской пластикой.

Глава V

КОЛХИДА В ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ АРХАИЧЕСКОГО И КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

Взаимоотношения Античного мира с Колхидой нашли свое отражение и в греческой литературе. В исторической литературе появляются сведения о Колхиде, и описание страны и ее народа занимает видное место в сочинениях греческих историков, а тематика, связанная с Колхидой, весьма популярна в художественной литературе и изобразительном искусстве.

Взаимосвязи раннего периода отразились в широкой популярности сказаний об аргонавтах в греческой эпической литературе VIII—VII вв. до н. э. (т. н. «Киклический эпос», Гесиод, Евмел Коринфский, Кинефон, т. н. «Навпактийский эпос», Эпименид, Симонид Кеосский). Интересно, что уже в VIII в. до н. э. эпический поэт Евмел впервые упоминает «Колхидскую землю» (фр. 2: *Κολχίδα γαῖαν*), а Гесиод называет Фасис в числе величайших рек («Теогония», ст. 337 — 340).

С VI в. до н. э. сведения о Колхиде имеются в сочинениях греческих логографов (Гекатея Милетского, Акусилая Аргосского, Ферекида Леросского). Наряду с рассказами о мифах (главным образом, об аргонавтах), сведения логографов (особенно Гекатея Милетского) содержат интересные данные об этническом составе населения Колхиды, о городах, гаванях и поселениях, расположенных на территории названных ими племен. Аналогичного характера и составленный в IV в. до н. э. «Перипл», приписываемый Скилаку Кариандскому.

Большое место уделено описанию Колхиды в сочинении Геродота, который специально интересовался происхождением колхов и, как полагают, с этой целью даже побывал в Колхиде. Сведения «Отца истории» дополняются подробными описаниями в сочинении, приписываемом Гиппократу, свидетельствующими о прекрасной осведомленности греков о Колхиде (см. «О воздухе, воде и местностях», 15).

Отдельные сведения исторического, этнографического и географического характера имеются и в сочинениях Ксено-

фонта («Анабасис», V, 6, 36—37, «Об охоте, II, 4)¹ и Аристотеля или ему приписываемых («Политика», VII, 2, 6; VIII, 4, 4; «История о животных», III, 21, 7; V, 22, 8; «Метеорология», I, 13, 17; I, 13, 29; «О чудесных слухах», XVIII, 48, 62).

В VI—IV вв. до н. э. колхидскому миру и связанным с ним мифологическим преданиям большое место уделяется в греческой художественной прозе и особенно в лирической поэзии (Мимнерм, Пиндар, Анакреонт, Симонид Кеосский, Антимак), а также в аттической драме (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан и др.).

В V—IV вв. до н. э. миф об аргонавтах чрезвычайно популярен и в греческом изобразительном искусстве (скульптура, рельефы, керамическая живопись). Привлекает внимание частое изображение (на вазах) Медеи в «восточном» наряде. На греческих вазах встречаются также сцены из аргонавтики, не засвидетельствованные в литературных памятниках: на одной аттической краснофигурной вазе, которая считается работой Дуриса, изображен предводитель аргонавтов Ясон в пасти дракона, охранявшего золотое руно.

Таким образом, созданный еще в микенскую эпоху греческий миф об аргонавтах, основную часть которого составляет поход в Колхиду, чрезвычайно популярен в греческой художественной литературе и изобразительном искусстве. Этот факт, безусловно, является отражением и, в свою очередь, прекрасной иллюстрацией весьма оживленных и тесных взаимоотношений между античным миром и Колхидой. В представлениях древних греков Колхида является богатой золотом страной. Весьма характерна в этом отношении составленная греками (ошибочно приписываемая Аристотелю) эпитафия, «над погребенным в Колхиде» царем Аиэтом:

«Златообильной Колхиды владыку

Αἰήτην Κόλχοισι πολυ-
χρύσοισιν ἄνακτα
ἐνθάδε πανδαμάτωρ
μόῦρα θεῶν κτέρισεν

Аиэту,
всепокоряющий рок богов здесь
воздал последние почести»
(«Пеплос», 43).

О добывании золота в Колхиде подробно рассказывают более поздние писатели.

В «Географии» Страбона при описании горной Колхиды — Сванети, сказано: «...рассказывают, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи про-

сверленных корыт и косматых шкур... отсюда, говорят, сложилось сказание о золотом руне» (XI, 2, 19). По словам же Аппиана: «Многие источники, текущие с Кавказа, несут с собой незаметный золотой песок; окрестные жители, погружая в воду густошерстные овечьи шкуры, собирают пристающих к ним золотой песок... быть может такого рода было и золотое руно царя Аиэта» («Митридатовы войны», 103). В высшей степени любопытно, что этот древнейший способ добывания золота до недавнего времени сохранился именно в нынешней Сванети, т. е. в горных районах исторической Колхиды. Судя по этнографическим материалам, собранным этнографом Л. Бочоришвили: «золото сваны добывают с помощью овечьих шкур. Овечью шкуру, натянутую на доску или же расправленную каким-либо другим способом, помещали в реке и укрепляли так, чтобы ее не унесло течением и чтобы шкура была обращена шерстью кверху. Намокшая шерсть удерживала частицы золота. Спустя определенное время шкуру доставали из воды и растилали на земле для просушки, высухшую же шкуру выбивали, вытряхивая из нее золотые крупинки», — трудно найти столь яркое подтверждение сведений античных писателей о Колхиде, сведений, которыми они в некоторой мере пытались разъяснить возникновение мифа о золотом руне. Интересно, что в Сванетии сохранилось и предание, будто «в горах Лешхвара стояло каменное святилище с подземными кладовыми, в которых хранились золотые сокровища и привязанный золотой цепью золотой баран».

Славу Колхиды в античном мире, как страны богатой золотом, можно полагать, снискали также и золотые изделия древнеколхских мастеров. Достаточно отметить, что только в одном погребении V в. до н. э., открытом в 1960 г. в Вани (Н. В. Хоштария), было найдено свыше тысячи золотых предметов (в том числе высокохудожественные и разнообразные браслеты, ожерелья, кольца, серьги, диадема, гривны, фиалы и др., а также слиток золота). Таким образом, археологические материалы и упомянутые выше этнографические данные являются довольно красноречивой иллюстрацией сведений античных писателей о Колхиде, как о стране «золотого руна».

Глава VI

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛХИДЫ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА.

Походы Александра Македонского и его преемников не затронули Колхиду и поэтому она не испытала в своем поли-

¹ «Анабасис» Ксенофонта представляет ценный источник для истории грузинских племен Юго-Восточного Причерноморья, не входивших в состав Колхидского царства.

тическом развитии столь резкого перелома, как страны Ближнего Востока. Однако широкие масштабы торговли в эпоху эллинизма, которые сопровождались обменом достижений в области культуры, оказали свое влияние и на Колхиду.

В эпоху эллинизма через Колхиду (и другие страны Закавказья) проходил один из больших торгово-транзитных путей, связывающих страны Востока с Западом. Этот путь шел из Индии до Каспийского моря, а затем через Закавказье по р. Куре — Сурамскому перевалу — р. Фасис и достигал берегов Черного моря у города Фасиса, а затем морскими путями был связан с городами Малой Азии и Причерноморья. Поскольку самое раннее, известное нам, сообщение восходит к Патроклу (90-ые годы III в. до н. э.), можно предположить, что этот путь существовал уже с раннеэллинистического периода. Однако отдельные участки его, имевшие сначала локальное значение, существовали еще в доэллинистический период (см. гл. III). С эллинистического же периода, когда торговля принимает «мировые» масштабы, складывается единый большой путь из Индии к Фасису¹.

Оживленные связи эллинистических стран с Колхидой подтверждаются обилием находок эллинистических монет: золотых статеров и тетрадрахм Александра Македонского, золотых статеров и серебряных монет Лисимаха (византийского чекана), афинских тетрадрахм «нового стиля», золотых статеров и тетрадрахм Митридата Евпатора и др. С III в. до н. э. вместо «колхидок» в Колхиде чеканятся золотые подражания статерам Лисимаха (игравшим, как известно, на черноморском рынке роль интерлокальной монеты). Весьма интересно, что ранние образцы колхидских подражаний (с именем базилевса Аки) чеканены из высокопробного и чистого золота и по своим техническим, художественным и стилистическим качествам не уступают оригинальным статерам Лисимаха (Д. Г. Капанадзе). То обстоятельство, что в III в. до н. э. колхидские правители смогли осуществить чеканку монет, полноценных монетной единице, доминировавшей в определенной области эллинистического мира, может служить косвенным свидетельством экономической мощи Колхиды. Вместе с тем, этот факт можно расценивать как определенное экономико-финансовое мероприятие колхидской центральной власти, направленное к ограничению об-

¹ Наличие этого пути, оспаривавшегося некоторыми исследователями (Бартольд, Манандян, Кисслинг, Тари), подтверждается сведениями Страбона (XI, 7,3), восходящими к Патроклу, Плиния. (NH, VI, 50 — 52), который заимствовал их от Марка Теренция Варрона и Анонимного «Перипла» V в. (§ 44), исходящего как полагают из Скимна Хиосского, а также археологическими материалами.

ращения иноземных монет на внутриколхидском рынке (с прекращением притока оригинальных статеров Лисимаха, качество «подражаний» постепенно ухудшается).

В эллинистический период из Колхиды, можно полагать, экспортировались те же товары, что и в предыдущую эпоху (см. гл. III). Однако состав стран и отдельных торгово-ремесленных центров, поддерживающих торгово-экономические взаимоотношения с Колхидой, заметно изменяются. В изучаемую эпоху активную и все возрастающую роль играют города Юго-Восточного Причерноморья, особенно Синопа, расположенная, по словам Полибия (IV,56), «на пути к Фасису»¹. Торгово-экономические взаимоотношения Синопы с Колхидой начинаются уже в середины IV в. до н. э., как об этом свидетельствует клад синопских монет, найденный в Кобулет-Пичвнари (опубликован К. В. Голенко). В III—I вв. до н. э. синопский импорт является в Колхиде доминирующим² (обломки синопских амфор, черепиц, лутериев, найдены повсеместно, как в поселениях прибрежной полосы, так и во внутренних районах Колхиды)³. Свидетельством очень тесных взаимоотношений между Синопой и Колхидой в эллинистический период может служить и тот факт, что найденные в Вани (в одном из самых значительных городских центров внутренней Колхиды) в огромном количестве черепицы местного производства повторяют формы синопских черепиц, в частности, калиптеров. Наряду с Синопой, поставляющей, можно полагать, главным образом, оливковое масло и, возможно, вино, в торговле с Колхидой участвует также и Гераклея⁴. Единичными находками представлен и фассосский импорт (находки амфор с т. н. рюмкообразными ножками). В III — II вв. до н. э. торговые связи с Колхидой поддерживал и Родос, о чем свидетельствуют находки обломков родосских, а также косских, и книдских амфор.

В III—I вв. до н. э. в Колхиду поступали также изделия (черно-и краснолаковая керамика, рельефные кубки, т. н. «мегарские чаши»), малоазийских ремесленных центров (главным образом, Пергама, а также Самоса и др.). Ма-

¹ Strab., XI, 2, 17.

² К сожалению, пока что единичные находки клейменных амфорных ручек (при этом почти все они плохой сохранности) не дают возможности судить об интенсивности синопского импорта по узким хронологическим отрезкам.

³ Пока что самым восточным пунктом находки синопской керамики в Колхиде является с. Чогнари (холм «Насаджвареби»), расположенное в 7—8 км к ю.-з. от Кутанси.

⁴ Находки Гераклеяской керамики пока что немногочисленны (Бату-ми, Кобулет-Пичвнари, Очамчире, Сухуми).

малоазиатский импорт распространялся как в приморской полосе, так и во внутренних районах. Интересно отметить, что малоазиатские изделия по Рионо-Квирильской торговой магистрали, через Сурамский перевал проникали в Восточную Грузию (Уплисхихе, Мцхета), а по ущелью р. Ингури достигали и высокогорной части Колхиды (Сванети).

Изучение импортных изделий (главным образом, керамики) таким образом свидетельствует об интенсивных торгово-экономических взаимоотношениях эллинистического мира с Колхидой. В эллинистический период, в отличие от предыдущих эпох, в процессе международного товарообмена были вовлечены самые широкие слои населения Колхиды, как ее низменных, так и горных районов. Интенсивность торгово-экономических взаимоотношений с внешним миром, несомненно, способствовала дальнейшему росту товарного производства Колхиды. В это время в экономике (в ремесленном производстве) Колхиды наблюдается внедрение античных форм. В III—I вв до н. э. намечается местное производство керамической тары античного типа. К ней относятся т. н. амфоры из «коричневой глины», место производства которых предположительно связывали с одним из центров Южного Причерноморья. Колхидское производство амфор из «коричневой глины» подтверждается не только их исключительной многочисленностью и широким распространением по всей Колхиде, но также и тождественностью знаков на ручках этих амфор, процарапанных по сырой глине до обжига, со знаками, которые встречаются на колхидских пифосах, а также на глиняных пирамидальных подвесках. О местном производстве этой группы амфор свидетельствуют также исследования минералогического состава глины, оказавшейся сходной с определенной группой местной керамики.

В эллинистический период в Колхиде наряду с керамикой, чисто местной по форме и орнаментации, изготавливаются также (правда, сравнительно в малом количестве) сосуды по античному образцу (миски, рыбные блюда, кубки типа канфара, веретенообразные балызамарии, местные подражания краснолаковой керамике).

Многочисленные находки глиняных пирамидальных грузил почти по всей Колхиде указывают на применение в ткацком ремесле вертикального станка, широко распространенного во всем эллинистическом мире.

Тесные взаимоотношения с эллинистическим миром сыграли важную роль и в градостроительстве Колхиды, особенно в развитии каменной архитектуры. В эллинистический период в городах Колхиды (судя по материалам раскопок в Бани) строятся мощные оборонительные сырцовые и каменные стены, воздвигаются здания с парадными лестницами,

колоннами, капителями и т. д. Широко распространяется в этот период характерная для греческой архитектуры эллинистического периода кладка из рустованных квадров, а также ряд орнаментальных мотивов.

Взаимоотношения античного мира с Колхидой нашли отражение и в греческой художественной и исторической литературе эллинистического периода. Судя по фрагментам, сохранившимся у различных авторов (главным образом, у Страбона), описания и отдельные сведения исторического, этнографического и географического характера содержались в сочинениях Эратосфена, Аполлодора, Посидония, Патрокла, Аристовула, Артемидора Эфесского; Аполлониды и др. Как и в предшествующую эпоху, миф о походе аргонавтов был чрезвычайно популярен в эллинистической прозе (Палейфат, Тимей, Демарат, Эратосфен, Апполондор, Дионисий Скитобрахий, Диодор Сицилийский) и поэзии (Ликофрон, Аполлоний Родосский, Каллимах, Феокрит, Никандр).

Большой интерес представляют сведения греческих писателей (Аполлоний Родосский, Дурис, Страбон, Павсаний, Аппиан, Филострат) эллинистического (и несколько более позднего) времени и о культах колхов и об их древнейших преданиях.

ГЛАВА VII

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР И ИБЕРИЯ

С эллинистического периода в непосредственный и длительный контакт с античным обществом вступает и Восточно-Грузинское царство — Иберия. Древнегрузинская историческая традиция относит образование единой Восточно-Грузинской государственности к концу IV—началу III вв. до н. э., что подтверждается также и археологическими данными. К этому времени, следует полагать, в основном, завершился сложный и долгий процесс образования Иберийского государства. Древнегрузинская историческая традиция (Леонти Мровели, «Обращение Картли»), а также довольно обильный археологический материал свидетельствует о наличии на территории Восточной Грузии (древней Иберии) отдельных городских центров и самостоятельных территориально-административных образований, во главе которых стояла родовая аристократия (богатые погребения VI—IV вв до н. э. из Ахалгори, Алгети, Канчаети).

На основе анализа сведений, сохранившихся в сочинении древнегрузинского историка Леонтия Мровели, и в «Об-

ращении Картли», а также ряда археологических материалов, в работе дана попытка показать, что города Иберии являются более древними, нежели само Иберийское царство, окончательно сформировавшееся в 70-х годах III в до н. э. Возникновение иберийских городов (V — IV вв до н. э.) было стихийным процессом, начавшимся в период широкого освоения железа, на базе дальнейшего быстрого роста производительных сил, вследствие отделения ремесла от сельского хозяйства и т. д. Города Иберии, по нашему мнению, представляли собой самые ранние и древнейшие центры классового общества и государственной организации на территории Восточной Грузии. Позже, когда начинается формирование единого Иберийского царства, уже существующие городские центры активно включаются в этот процесс. Интересно отметить, что гегемоном этого движения выступает г. Мцхета — «Картли» (древнейшее название г. Мцхета) и поэтому «Картли» уже обозначает все царство (в древнегрузинских источниках «Иберия» всегда выступает под именем «Картли»). Несомненно, борьба за верховную власть между отдельными родами велась очень долго, пока окончательно не победил один могущественный род, который древнегрузинские и армянские источники называют родом Фарнавазианов, по имени основателя династии Фарнаваза.

Утверждение династии Фарнавазов исследователями (П. Е. Ингорюк, А. И. Болтунова, Г. А. Меликишвили) датируется 80—70-ми годами III в до н. э. В сведениях Леонтия Мровели¹ о реформах Фарнаваза отчетливо выступают все основные признаки государственности: территориальное деление (сведения о разделении страны на восемь военно-административных округов — «саэристао»), наличие общественной власти («учредил должность восьми эриставов и одного спасета... а под властью этих эриставов назначил он спасетаров и тысяченачальников...»), а также учреждение налогов («харки самеупо», «харки саэристао» — подати царские и эриставские). Поэтому, можно сказать без преувеличения, что древнегрузинская историческая традиция об организации иберийского государства имеет такое же важное значение, как и древнегреческая традиция о разделении Клисфеном Аттики на десять территориальных филл и древнеримская историческая традиция о разделении Сервием Туллием Рима на территориальные трибы.

Древнегрузинская историческая традиция сообщает о тесных взаимоотношениях между первыми фарнавазианами

¹ См. КЦ (= «Картлис цховреба». История Грузии, свод источников. Древнегрузинский текст, т. I, под ред. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1955), стр. 24—25.

и правителями эллинистического селевкидского государства (КЦ, стр. 23, 27), в частности, с Антионом I, который «помогал» Фарнавазу при восстании против Азо и даже, согласно обычаям эллинистических монархов, «назвал его (Фарнаваза) сыном своим и одарил (его) венцом».

Можно полагать, что в результате взаимоотношений с селевкидскими государствами, Фарнаваз придал государственному устройству Иберии некоторые характерные черты селевкидских государств, в свою очередь восходящих к государственному строю Ахеменидского Ирана. Это обстоятельство и нашло, по-видимому, отражение в сведениях Леонтия Мровели о том, что Фарнаваз создал свое государство «наподобие царства персов» (КЦ, стр. 25).

В древнегрузинских источниках сохранились скудные, но весьма интересные сведения о государственной организации и финансовом контроле в Иберии эллинистического периода. Первый царь Иберии Фарнаваз, согласно Леонтию Мровели, «учредил должность восьми эриставов и одного спасета... а под властью этих эриставов в различных местах он назначил спасетаров и тысяченачальников, и через всех них поступали подати царские и эриставские» (КЦ, стр. 25). По нашему мнению, здесь речь идет не только о делении страны на военные округа, но и также о разделении всей государственной земли на фискально-административные округа — «саатасистао», откуда поступала царская подать — «харки самеупо». Мы полагаем, что тысяченачальники («ата-систави») Иберии и подчиненные им области соответствовали хилиархиям (χιλιάρχια) селевкидской Сирии и эллинистической Азии. В этих хилиархиях, как известно, население вносило царскую подать (φόρος)¹, т. е. «харки самеупо» по выражению Леонтия Мровели. Конечно, не следует полагать, будто Фарнаваз механически насаждал в своей стране отдельные формы государственного строя эллинистических стран: речь идет лишь о придаче уже исторически сложившимся условиям определенных черт, характерных для стран эллинистического Востока.

С этой же точки зрения следует рассматривать учреждение Фарнавазом собственного культа («...Фарнаваз в честь имени своего создал идол большой, который есть Армази,

¹ Ср. напр., известную надпись Мнесимаха из Сарды (см I, 5 и 6 строки), из которой видно, что подати из деревень (φόρος τῶν χωρῶν) население вносило в царские хилиархии. И в соседней с Иберией Армении управитель царскими доходами также назывался hazarapet-ом (букв. тысяченачальник).

ибо Фарнаваза по-персидски называли Армазом. Он воздвиг идол этот на вершине Картли, который с тех пор стал называться Армази. Воздвижение идола обставил с большим торжеством...» (КЦ, стр. 25). Источники («Обращение Картли») сохранили и описание идола Армази — «стоял человек из меди, одет был в панцырь золотой, со шлемом и наплечниками золотыми... держал в руке он меч отточенный¹, который блистал и вращался в руке, как бы предвещал: если кто прикоснется, то будет обречен на смерть».

Таким образом высшее божество иберийского языческого пантеона — Армази, бог Луны хетто-малоазийского происхождения (И. А. Джавахишвили, А. И. Болтунова, Г. А. Меликишвили) олицетворяло самого верховного правителя страны. Весьма важно, что по сведениям грузинских источников этому божеству приносили человеческие жертвоприношения (ср. КЦ, стр. 58).

Можно подумать, что подобно монархам-деспотам эллинистических государств, первый царь Иберии объявил себя высшим богом, но в отличие от эллинистических монархов, он олицетворял не какого-нибудь греческого бога, а местное древнейшее высшее божество. Это было, по-видимому, политическим актом большого значения: учреждение Фарнавазом своего культа преследовало цель утверждения среди своих подданных веры во всевышность царской власти. Следует отметить, что согласно сведениям Леонтия Мровели (и ряда других данных) власть первого иберийского царя происходит от главы влиятельного аристократического рода (дома): Фарнаваз был «сыном главарей Картли (Иберии)» и поэтому именно ему подобало «властвовать на другими» (КЦ, стр. 22). В дальнейшем царская власть укреплялась в борьбе против родовой аристократии, которая энергично выступала против единодержавной владычества иберийского царя (ср. КЦ, стр. 26). В этой борьбе, по нашему мнению, и оформлялась деспотическая власть иберийских царей, которые рассматривали страну, как свою родовую собственность.

Весьма интересны с этой точки зрения сведения римского историка Тацита об иберском царе Фарасмане, который держит «потомственную власть» (*imperium gentile*) и владеет иберами «по старинному праву владения» (*obtinēbat Hiberos Pharasmanes... vetusta possessione*). „*Annales*“, XII, 44). Можно подумать, что при дворе царей Иберии к этому времени уже выработалось теоретическое обоснование права владения престолом и страной. И с этой точки зрения

¹ По другому варианту (Челишский список) — «меч, как молния...»

интересна титулатура иберийских царей — „Великий царь“, засвидетельствованная в Армазской билингве и одноязычной арамейской надписи.

Сходные черты с эллинистическими государствами проявляются и в социально-экономическом строе Иберии эллинистического периода, в частности, в формах землевладения и способов эксплуатации земледельческого населения. Изучение данного вопроса имеет в настоящее время весьма важное значение и в связи с широко развернувшейся в советской и зарубежной историографии дискуссии о т. н. азиатском способе производства.

На основе анализа сведений античных (Страбон) и древнегрузинских (Леонтий Мровели, «Обращение Картли») источников, а также эпиграфических памятников (Армазская билингва), мы приходим к выводу о наличии в Иберии эллинистического периода — царского, храмового и, по-видимому, также городского землевладения, которые были основаны на эксплуатации зависимого земледельческого населения. Весьма сложным является вопрос о формах и характере (т. е. социальной природе) эксплуатации земледельческого населения.

Единственное сообщение Страбона (XI, 3, 6) о зависимом населении Иберии (*λαοὶ... οἱ βασιλικὸὶ δοῦλοὶ εἰσι*) является несомненно важным, но далеко еще не достаточным для подробной характеристики положения зависимого населения Иберии, которое Страбон называет *λαοὶ* — термином, широко распространенным для обозначения зависимого населения эллинистической Азии. Согласно существующей точке зрения „*λαοὶ*“ в селевкидской Сирии не были ни рабами, ни крепостными» (А. Б. Ранович). Для выяснения социальной природы и способов эксплуатации иберийских *λαοὶ* мы прибегаем к эпиграфическим памятникам из отдельных эллинистических стран. С этой точки зрения особое внимание уделяется двум надписям селевкидской Сирии (надписям Лаодики и Мнесимаха, не раз привлекавшим внимание ряда исследователей).

На основе анализа текста надписей вырисовывается следующая картина. *λαοὶ* — зависимое население селевкидской Сирии, объединены в деревнях (общинах) и обрабатывают царскую землю. За это они уплачивают подать (денежную!), но не каждый отдельно, а деревня в целом. Вместе с тем, количество подати от отдельных деревень отличается друг от друга, т. е. податью облагаются определенные участки земли. Кроме того, *λαοὶ* платят денежную подать

(φόρος ἀργυρικὸς) и несут трудовую повинность (φόρος λητουργικὸς) в пользу непосредственного хозяина, юридически временного владельца земли. λαοὶ имеют личную собственность (κτῆσεις). Юридически λαοὶ являются лично свободными, но фактически, как будто не имеют права свободного передвижения.

Из надписей Лаодики и Мнесимаха явствует, что экономическую основу эксплуатации λαοὶ составляет верховная собственность царя (и связанной с ним военной и служилой аристократии) на землю. Стало быть, господствующий класс, как собственник земли, противостоит классу земледельцев, которые юридически лишены собственности на землю. Формы эксплуатации проявляются в присвоении господствующим классом «прибавочного труда» или «прибавочного продукта» непосредственных производителей в виде налогов (подати, трудовая повинность). Таким образом, как будто, ясно, выступают условия, характерные для феодального общества (налицо основной закон феодализма — денежная рента, как специфическая форма присвоения «прибавочного труда» непосредственных производителей).

Однако сказанное вовсе не означает, что в эллинистический период в странах Ближнего Востока (в данном случае в селевкидской Сирии) мы имеем дело с уже вполне сложившимся феодальным обществом, т. к. еще не существует собственности феодалов на землю (т. е. частное крупное землевладение). Не определена также еще неполная собственность господина на непосредственного производителя. Поэтому, нам кажется вполне приемлемым мнение некоторых исследователей, что отмеченную выше форму эксплуатации можно называть «прафеодальной» или «протофеодальной» (Ю. И. Семенов, Г. А. Меликишвили).

По сообщению Страбона в Иберии „τέταρτον δὲ τὸ [γένος — О. Л.] τῶν λαῶν, οἱ βασιλικοὶ δοῦλοι. εἰσι καὶ πάντα διακονοῦνται τὰ πρὸς τὸν βίον. κοινὰ δ' εἰσὶν αὐτοῖς αἱ κτῆσεις κατὰ συγγένειαν, ἄρχαι δὲ καὶ ταμιεῖς ἐκάστην ὁ πρεσβύτατος (XI, 3, 6).

Можно заключить, что в Иберии λαοὶ так же, как и в селевкидской Сирии имели некоторые органы самоуправления и были объединены в сельские общины. Имели они и имущество, однако общее по родам, что указывает на сильные пережитки родового строя¹.

¹ В целом же данный отрывок из «Географии» Страбона (XI, 3, 6) рисует довольно архаический строй (разделение царской власти между двумя лицами, отсутствие наследственности престола от отца к сыну и

К сожалению, в источниках нет прямых указаний о конкретных формах зависимости иберийских λαοὶ. Можно полагать, что λαοὶ выплачивали подать (харки), скорее всего натурой и несли трудовые повинности на «дом царя», т. е., по словам Страбона, «делали все необходимое для жизни (царей)».

Нам кажется вполне вероятным предположение С. Н. Джанашиа, что местным названием податей и повинностей, которые несли λαοὶ «на дом царя» было «сепеоба». Этот термин нередко упоминается среди повинностей средневековой эпохи. Наше внимание привлекло одно, в высшей степени любопытное обстоятельство: «сепеоба» (от слова «сепэ» — царь), т. е. повинность, которую несли в пользу царя или царского дома, встречается в документах развитой феодальной эпохи среди тех повинностей, которые несли крестьяне в пользу своего феодала (не царя!). Это обстоятельство как нельзя лучше иллюстрирует древность (да и не феодальный характер) «сепеоба».

Таким образом, вышесказанное (что преследовало цель определения социально-экономического статуса иберийских λαοὶ), позволяет заключить, что в Иберии эллинистического периода земледелие было основано на широкой эксплуатации зависимого населения, объединенного в сельские общины. Вместе с тем обращает внимание и то сообщение Страбона, что третий γένος населения Иберии составляют земледельцы и воины „τρίτον δὲ τὸ τῶν στρατευομένων καὶ γεωργόντων). По мнению ряда исследователей (С. Н. Джанашиа, А. И. Болтунова, Г. А. Меликишвили) в данном сообщении Страбона выступает нерасчлененное единство «народа-войска» («эри» по древнегрузинской терминологии), т. е. третий γένος — составляют свободные общинники.

Однако, анализ текста Страбона в целом дает основание заключить, что здесь, возможно, речь идет о двух независимых профессиональных категориях: «земледельцах» и «воинах». Очень трудно в настоящее время определить социальный статус иберийских «земледельцев»: были ли они, как полагал М. И. Ростовцев, мелкими свободными землевладельцами или, что более вероятно, свободными арендаторами земли (ср. γεωργοὶ или βασιλικοὶ γεωργοὶ в эллинистическом

т. д.) и сильно отличается от остальной части «Описания Иберии» (XI, 3, 1—5), поэтому справедливо считают (А. И. Болтунова), что XI, 3, 6 из «Географии» Страбона восходит к более раннему источнику (по нашему мнению, возможно через Эратосфена или Мегасфена к Патроклу)

Египте). Весьма важно и сообщение Страбона о наличии в Иберии определенного слоя «воинов». В этой связи интересно сообщение Плутарха («Луккулл», XXXI) об иберских наемниках в армии армянского царя Тиграна, что дает основание для предположения о развитии в Иберии института наемничества. Последнее порождалось, по-видимому, социально-экономическим развитием иберийского населения: можно полагать, что контингент наемников составляли разорившиеся свободные производители. Это может также указывать на весьма сложную структуру общественных отношений Иберии эллинистического периода.

Наряду с зависимым земледельческим эксплуатируемым населением, как показало изучение древнегрузинских терминов («мона», «ткуе», «наскиди», «мхевали», «сахлисули») в Иберии были и рабы. Однако рабский труд в Иберии, как и в большинстве стран Древнего Востока, никогда не являлся основной производительной силой. По нашему мнению, в Иберии рабский труд использовался главным образом в ремесленном производстве и домашнем хозяйстве. Определяющими в общественных отношениях Иберии были, по-видимому, «протофеодальные» формы эксплуатации зависимого земледельческого населения (Г. А. Меликишвили). Можно полагать, что, так же, как в селевкидской Сирии и особенно в эллинистическом Египте (А. И. Тюменев) и в Иберии уже с эллинистического периода складываются феодальные отношения¹.

При изучении вопроса о царском землевладении в Иберии обращает на себя внимание сведение Леонтия Мровели, что из учрежденных Фарнавазом хилярий «поступали подати царские и эриставские» («харки сажеупо да сажери-стао»). Упоминание «харки сажери-стао» несомненно важное обстоятельство. Мы думаем, что «харки сажери-стао» был учрежден царем для возмещения службы эристава. «Харки сажери-стао», вероятно, являлось податью из земель, которые находились под управлением этих должностных лиц, но юридически представляли собой царскую собственность. Если это так, то можно прийти к весьма важному заключению: «харки сажери-стао» рано или поздно обуславливало возникновение эриставского землевладения, и тем самым, способствовало образованию частного крупного землевладения. Именно на этой почве, позже, возникает конфликт между царской властью и представителями крупной знати (именовав-

шимися азнаурами), который завершился победой последних: в 523 г. персы в союзе с местной крупной знатью упразднили в Иберии царскую власть. Упразднением царской власти эриставы добились признания их наследственного права на подведомственные земли. Таким образом, упразднение царской власти в 523 г. было весьма важным моментом в истории древней Иберии. Оно было подготовлено внутренним развитием Иберии и, по существу, означало уничтожение царского землевладения, основанного на первоначальном принципе, и возникновение на его месте нового раннефеодального землевладения.

С точки зрения истории социально-экономического развития эллинистического мира большой интерес представляет изучение городов и городской жизни. Как и на всем Ближнем Востоке и в Средиземноморье, в Иберии, период эллинизма также является временем расцвета городов и городской жизни, возникновения и основания множества новых городов.

Наличие городов и развитой городской жизни в Иберии эллинистического периода подтверждается сведениями источников древнегрузинских (Леонти Мровели, «Обращение Картли»), древнеармянских (Моисей Хоренский, «История», II, 36) и греко-римских (Страбон, XI, 3, 1, 5; Дион Кассий, «История Рима», XXXVII, 1; Плиний, «Ест. Ист.», VI, 26; Клавдий Птолемей, «Географическое руководство», V, 10, 1—3). Почти все упомянутые в этих источниках города в настоящее время подвергаются археологическому исследованию (Михета и его окрестности, Уплисхихе, Гори, Урбиси, Цунда).

В свете археологических исследований и данных письменных источников города Иберии предстают как развитые городские центры со сложной системой оборонительных сооружений, с собственной сельскохозяйственной территорией, с развитым ремесленным производством и торговлей. Однако из-за отсутствия соответствующих источников все еще неясными остаются многие вопросы внутреннего социально-экономического строя и политического статуса иберийских городов. В работе подчеркиваются лишь некоторые сходные черты иберийских городов с «эллинистическими». Обращается внимание на указание Страбона (XI, 3, 1), восходящее, как известно, к Феофану Митиленскому: «...Ἰβηρία κατοικεῖται καλῶς τὸ πλεόν πολέσι τε καὶ ἐποικίσις...» В связи с этим дана попытка изучения терминологии Страбона для обозначения различных городских поселений (πόλις, πόλισμα, πόλιχνιον, κωμόπολις). Из перечисленных терминов по отношению к Иберии

¹ Поэтому, как правило отмечал еще в 1957 г. акад. А. И. Тюменев, широко распространенный в нашей литературе взгляд на эллинизм, как на высший этап в развитии рабовладельческого общества в странах Востока, следует пересмотреть.

Страбон употребляет лишь *πόλις* (XI, 3, 1; XI, 3, 5) и *πολιχούριον* (XI, 2, 18). Однако Страбон подчеркивает, что «Иберия большей частью населена *πόλις*-ами». Этот факт, конечно, не дает оснований рассматривать города Иберии как типичные античные полисы (хотя некоторые, сходные с греческими полисами, черты исследователями отмечаются и в социально-экономическом и политическом строе городских общин древнего и эллинистического Востока). Цитированный выше отрывок из «Географии» Страбона лишь подтверждает наличие развитой городской жизни как одной из характерных черт Иберии эллинистического периода. Обращает внимание указание древнегрузинских источников (см. КЦ, стр. 25, 29) об интенсивном строительстве иберийскими царями городов, что также можно было бы поставить в связь с широко развитым градостроительством в эллинистическом мире. И в этой связи также привлекает внимание факт этнической пестроты населения городов Иберии. Можно предположить, что в Иберии, как и в соседней Армении (Г. Х. Саркисян) имело место заселение городов чужеземцами, что составляло один из элементов градостроительства и осуществлялось центральной властью, возможно с целью дальнейшего развития ремесла и особенно торговли. С эллинистическим миром Иберия поддерживала и торгово-экономические связи. К сожалению, в источниках не сохранились сведений о товарах, вывозимых из Иберии. Лишь из одного сообщения Страбона (XII, 3, 10) можно заключить, что в античном мире широкой известностью пользовалась иберийская киноварь, которая даже соперничала с синопской. Весьма малочисленны также и импортные изделия эллинистического периода: среди археологического материала выявлены только монеты, в том числе и чеканенные в Иберии. Экономические связи эллинистического мира с Иберией подтверждаются и монизматическими находками — золотых статеров и драхм Александра Македонского, медных монет царя Египта Птолемея, Филометора, селевкидских царей Деметрия I, Сотера и Антиоха Евергета, городских монет Синоп и Амастрии; бактрийских и парфянских монет и др. Со II в. до н. э. (главным образом I в. до н. э. — II в. н. э.) в Иберии чеканились и местные подражания золотым статерам Александра Македонского. Экономические и политические взаимоотношения с эллинистическим миром нашли отражение и в распространении эллинистической культуры в Иберии, в первую очередь в градостроительстве. Как показали специальные исследования, основные строительные приемы в эллинистической Иберии возникли на местной основе и связаны с переднеазиатскими

ми (урартско-ахеменидскими) традициями (А. М. Апакидзе, И. Н. Цицишвили). Но вместе с тем, замечается и влияние (хотя еще и поверхностное) эллинистической культуры. Об этом свидетельствует распространение элементов античного архитектурного ордера (находка ионийской капители в Саркине) и ряд изменений в характере кладки (Армазихэ) или в планировке городов (Уплисхихэ).

Влиянием античного строительного дела следует объяснить также широкое распространение в Иберии уже с ранне-эллинистического времени черепицы, как основного кровельного материала в поселениях городского типа (Михета и его окрестности, Уплисхихэ, Гори, Урбниси, Самадло). Иберийские черепицы (калиптеры, керамиды) типологически восходят к известным образцам античной кровельной черепицы, но вместе с тем имеют ряд конструктивных особенностей. Иберийский калиптер, например, на наружной части, ближе к узкому краю имеет пальцеобразный выступ, благодаря которому осуществляется крепление верхней черепицы с нижней. Своеобразна и техника изготовления иберийских калиптеров — они формовались на гончарном круге, подобно водопроводным трубам, т. е. сначала изготавливались «черепичные трубы» и затем они разрезались пополам (А. М. Апакидзе). Таким образом, если идея изготовления черепиц и их применения как кровельного материала заимствована из античного мира, то техника их производства и ряд конструктивных деталей отмечается своеобразием.

В эллинистический период проникновение античных форм наблюдается и в керамике. Так, например, в кувшинных погребениях Самтаврского могильника (Михета) встречаются некоторые сосуды местного производства, имитирующие античные сосуды типа аска и канфара.

Указанные материалы свидетельствуют о распространении эллинистической культуры в городах Иберии. Однако насколько можно судить по нынешнему состоянию изучения археологических памятников, влияние эллинизма в III—I вв. до н. э. на материальную культуру Иберии было поверхностным.

Глава VIII

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИМСКОГО МИРА С ИБЕРИЕЙ

Первые века н. э. в истории стран Передней Азии и средиземноморского бассейна, как известно, характеризуют-

ся исключительным подъемом международной торговли. Широкое участие Иберии в международной торговле прекрасно иллюстрируется весьма многочисленными нумизматическими находками. В Иберии в этот период интенсивно обращаются серебряные денарии Августа и парфянские драхмы Готарза. Одновременно начинается чеканка и местных «подражаний» этим монетам (Д. Г. Капанадзе). На регулярные связи с внешним миром указывают также находки монет римских императоров (от Нерона до Валериана) и парфянских царей (от Артабана до Вологеза).

Среди импортных предметов большое место занимают различные украшения в виде каменных бус, подвесок, среди которых встречаются в большом количестве подвески из голубой египетской (александрийской) пасты — фигурки лежащего льва и скарабея. Широко распространены также каменные бусы малоазийских и сирийских мастеров.

К предметам восточного импорта (Средняя Азия, Индия, Аравия, Сирия) следует отнести драгоценные и полудрагоценные камни (жемчуг, гранат, алмаз, рубин, бирюза и др.), которые обильно применялись местными ювелирами для украшения своих полихромных изделий.

При археологических раскопках на территории Иберии в большом количестве обнаружены резные камни («греко-римские», римские, италийские, малоазийские, парфянские и др.). Среди них довольно часто встречаются превосходные памятники античной глиптики (М. И. Максимова, М. Н. Лордкипанидзе).

В первые века н. э. в Иберию импортировались также и стеклянные изделия, в большом количестве обнаруженные при раскопках античных городов (Мцхета, Урбиси). Стеклянные изделия, найденные на территории Иберии, имели формы, широко распространенные во всем античном мире (многочисленные и разнообразные балызамарии, колбообразные сосуды, фляги из желтого стекла с лепными ручками из темносинего стекла, сосуды с венчиком в виде трилистника и т. д.). Абсолютное большинство этих сосудов как по форме, так и по цвету стекла и технике изготовления, идентично стеклянным изделиям, найденным в Мингечауре, и Гарни, и, особенно, на Кипре, в Палестине и Дура-Европос. Последние считаются изделиями сирийских мастеров, которые в I в. н. э. были самыми крупными поставщиками стеклянных изделий на мировом рынке.

Среди многочисленных импортных изделий римского периода выделяется также группа бронзовых сосудов разных форм и назначений (кувшины, палеры, виночерпальный ковш, чернильница). Они покрыты обычно темно-коричневой, реже темно-зеленой патиной. Почти все сосуды отлиты

а затем окончательно обработаны и отточены на станке, о чем свидетельствуют рельефные концентрические кружки разной величины на донышке, а посредние — маленькая дырочка — для прикрепления сосуда к станку. После исследований Виллерса общепризнано, что в I — II вв. главными центрами производства подобных изделий были южноиталийские города, особенно Капуя.

Италийские бронзовые сосуды, найденные на территории Иберии, обнаруживают полное сходство с теми многочисленными италийскими изделиями, которые широко распространены как в италийских городах, так и в Дунайских провинциях, в рейнских областях, на территории скандинавских стран, а также в Болгарии, Польше, Северном Причерноморье.

В работе рассматриваются следующие группы италийских бронзовых сосудов:

1. Среди сосудов с круглым венчиком особое внимание привлекают два бронзовых кувшина, найденные в с. Ничбиси в 12 км к юго-западу от Мцхета — столицы Иберии античной эпохи. Изящная форма сосудов с плавными переходами от одной части к другой, утолщенные края круглого венчика, украшенные овами и «жемчужником», устройство верхней части ручек и их украшение в целом (*scena sacrificis* и пантера на одном сосуде, а на другом — растительный орнамент в виде спиралевидных гирлянд в средней части, а в нижней — голова Горгоны «патетического» типа, исполненная в высоком рельефе), гравированный или резной орнамент на горлышках (изображение хищных животных, преследующих оленя, — на одном сосуде; а на другом — «кимотион»), дают основание заключить, что бронзовые сосуды из с. Ничбиси принадлежат к лучшим образцам италийского производства времени Августа (во всяком случае не позднее первой четверти I в. н. э.).

2. Следующую группу составляют кувшины довольно изящной формы с высоким узким горлом и выступающим вперед клювообразным венчиком. Они имеют широкие, почти горизонтальные плечики. Тулово сильно сужается книзу, и к нему припаяна изготовленная отдельно высокая ступенчатая ножка. Принадлежащие к весьма многочисленной группе италийских изделий в I в. н. э., сосуды этого типа из находок в Иберии, отличаются друг от друга лишь украшением ручек: верхняя часть обычно увенчана протомой животных или птиц (лев, бык, собака, лебедь), а внизу скульптурным изображением какого-нибудь божества (Фавн, Горгона, Омфала). Растительный орнамент на средней части ручек в виде венца из остроконечных листьев, характерный для эпо-

хи Флавиев, датирует сосуды, найденные в Иберии, второй половиной I в. н. э.

3. Довольно часты на территории Иберии находки бронзовых ойнохой, отличающихся друг от друга деталями украшения. Наиболее характерной является приземистая ойнохоя, верхняя часть ручки которой украшена протомой льва с открытой пастью, нижняя же часть ручки завершается изображением львиной лапы, которая лежит на листке, припаянном к тулову.

4. Патеры представлены, в основном, двумя разновидностями: патера из Мцхета представляет собой неглубокую чашу с отогнутыми к наружи краями и плоской ручкой, завершающейся маленькой петлей. Аналогичные сосуды широко распространены в итальяском производстве с середины I в. н. э. до начала второй половины II в. н. э.

Более многочисленны патеры I в. н. э., трубчатые ручки которых украшены головками барана, собаки или волка. Особый интерес представляет патера, найденная в с. Клдееги (на западной окраине Иберии) в погребении II в. н. э. Бронзовая каннелированная ручка патеры увенчана скульптурной головкой барана, высеченной из мелкозернистого камня). Патеры на территории Иберии найдены, как правило, в погребениях в паре с кувшинами, (как впрочем и в римском мире), что подтверждает мысль, об их предназначении для омовения рук перед определенным ритуалом.

5. Виночерпальный бронзовый ковш, найденный в с. Бори, на западной окраине Иберии, представляет собой глубокий сосуд с плоской, несколько суживающейся в средней части ручкой, на верхней части которой сохранился едва заметный в настоящее время орнамент в виде тирса, ов и кружков. Ручка оканчивается отверстием, служившим, вероятно, для подвешивания. Утолщенные края ручки переходят с одной стороны в головку лебедя, а с другой — в ободок чаши, ниже которого расположены концентрические круги. Сосуд датируется нами первой половиной I в. н. э.

6. Бронзовый цилиндрический сосуд с крышкой (чернильница), найденный еще в 70-х годах XIX века в Мцхета и хранящийся в Гос. Эрмитаже. На наружной стороне днища вдавлена надпись „ex officini Calpurni“, («из мастерской Кальпурния»).

Таким образом, находки итальянских бронзовых изделий на территории Иберии довольно часты. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что они найдены в самых различных районах Иберии, что также должно указывать на широкий ввоз итальянской продукции (на территории Иберии найдены и камеи и геммы итальянского производства, а также

серебряные изделия). Если находки подобных вещей учащаются, то придется решительно отвергнуть существующее мнение некоторых исследователей, согласно которому бронзовые изделия итальянских мастерских на Восток не импортировались. Кроме находок на территории Грузии, уже сейчас можно указать на находки итальянских изделий на Ближнем Востоке (Самсун, Антиохия на Оронте) и даже в Центральной Азии (Афганистан, Индия).

Устанавливая факт импорта итальянских бронзовых изделий (и других предметов), следует также поставить вопрос о путях их проникновения на территорию Иберии. При отсутствии такого рода находок в соседней Колхиде нужно полагать, что итальянский импорт шел в Иберию не морскими путями через Колхиду, а по сухопутной торговой магистрали (отмеченной на Tabula Peutingeriana) из Малой Азии через Армению. Несомненно, что эти товары доставлялись сначала в Мцхета, в столицу Иберии — один из самых крупных торгово-экономических центров страны, откуда они распространялись в различные районы: на юго-запад (Ничбиси), на запад (Хандаки, Згудери), и еще дальше (Бори, Клдееги); на север (Атоци) и на восток (Ахмета).

Ввоз итальянских импортных изделий совпадает со временем, когда складываются и укрепляются новые взаимоотношения между Римской империей и Иберией. Эти взаимоотношения основанные, как известно, на добровольном союзе, были обусловлены как политической, так и, вероятно, экономической взаимной заинтересованностью обеих сторон.

Среди памятников римской культуры, найденных на территории Иберии, наиболее выдающимися являются три серебряные фиалы с пластическими изображениями на дне (Антиной, Тихе-Фортуна, погрудной бюст бородатого мужчины). Все три фиалы, найденные при раскопках могильника питиахшов (высших должностных лиц) в Армазисхеви, являются первоклассными образцами римской торевики, которые могут быть поставлены в один ряд со знаменитыми памятниками такого рода из Боскореале, Гильдесгейма и Бернэ (К. Г. Мачабели). Предполагают, что указанные серебряные чаши получены высшими сановниками Иберии в качестве даров от римского императора или знатных римлян.

Рассмотренные выше импортные предметы первых веков н. э., найденные на территории Иберии (монеты, стеклянные изделия, памятники глиптики, бронзовые сосуды и др.) свидетельствуют о тесных и оживленных взаимоотношениях римского мира с Иберией.

Итоги детального исследования распространения античного импорта на территории Иберии имеют исключительно

важное значение для экономической истории Иберийского царства первых веков н. э. Археологические материалы свидетельствуют, что города Иберии в этот период представляли собой крупные центры внешней и внутренней торговли. В специальной литературе (И. А. Джавахишвили, Г. А. Меликишвили, А. М. Апакидзе) давно уже обратили внимание на указание источников о наличии в городах Иберии античного периода специальных рынков и особых торговых кварталов.

Весьма интересно (а для экономической истории очень важно), что в этот период в международную торговлю включается не только городское, но и сельское население. Импортные предметы довольно часто обнаруживаются не только на территории городов (Мцхета, Урбниси, Уплисхихэ) или значительных политических и административных центров (Згудери, Бори, Кдеети), но и сельских поселений (Ничбиси, Хандаки, Атоци и др.). Обращает внимание и тот факт, что в первые века н. э. в среде сельского населения Иберии интенсивное распространение получает денежное обращение. Об этом красноречиво свидетельствуют весьма частые находки монет (главным образом денариев Августа и драхм Готарза) в сельских районах (сс. Ничбиси, Дампало, Дигоми, Диди Лило, Ржиси, Хандаки и т. д.).

На основе представленных выше материалов довольно отчетливо вырисовываются основные характерные черты экономики Иберийского царства в I—III вв. н. э.: многоотраслевое ремесленное производство, в котором значительное место занимали ремесла крупного масштаба (черепичное и металлообрабатывающие производства, строительные работы); города и рынки, которые играли значительную роль в процессе торговли и товарообмена; развитие денежного хозяйства и вместе с тем и дальнейший рост товарного производства.

Широкие торгово-экономические и политические взаимоотношения с римским миром повлекли за собой распространение в Иберии эллинистическо-римской культуры, но преимущественно в городах и среди высшей знати. Подтверждением тому служит широкое применение двух международных языков и письменности — греческого и арамейского.

Влияние античной культуры наблюдается в градостроительстве, в появлении, например, сетчатой кладки (т. н. ретикулатум), в архитектурном сооружении акрополя столицы Иберии. С I в. н. э. в городах Иберии встречаются такие компоненты античных городов, как водопроводы и т. д. С I в. появляются и бани античного типа, основанные на гипocaustической системе отопления (Армазсихэ, Армазисхеви). Влияние эллинистической культуры сказалось и в развитии погребальных сооружений, в частности, в распространении среди

городского населения черепичных погребений, а среди знати — каменных саркофагов. Наибольший интерес представляет замечательное погребальное сооружение в виде мавзолея, раскопанное на территории столицы античной Иберии — Мцхета и датированный (по составу погребального комплекса) последней четвертью I в. н. э. (Г. А. Ломтатидзе). Мцхетский склеп входит в круг тех памятников погребальной архитектуры, которые были широко распространены в эллинистическо-римском мире (Македония, Фракия, Малая Азия, Египет, Северное Причерноморье). Основные приемы строительного искусства несомненно восходят к известным образцам эллинистического зодчества, таковы — конструкция свода (полуциркульный), устройство погребальной камеры (прямоугольная форма); как внутренняя, покрытая слоем превосходной известковой штукатурки с примесью толченого кирпича, так и внешняя облицовка стен квадратами; сухая кладка и т. д. Но наряду с этим в архитектуре этого памятника замечаются некоторые особенности и самобытные черты, как, например, оригинальное и не имеющее аналогии в античной архитектуре, решение фасада — главный фасад заканчивается не фронтоном с горизонтальным карнизом (обычным для греко-римской архитектуры), а т. н. шпильцем, который насажен ниже шельги свода. Сводчатое перекрытие камеры сочетается с двухскатной кровлей. При этом важно заметить, что аналогичное решение фасада засвидетельствовано и на других архитектурных памятниках античной Иберии и является обычным в средневековой грузинской архитектуре. Другой особенностью гробницы является отсутствие строгости в кладке (также характерная черта грузинской средневековой архитектуры). Отмеченное дает основание рассматривать этот памятник как самобытное произведение местной школы, но хорошо знакомой с эллинистическими культурными традициями (Г. А. Ломтатидзе, И. Н. Цицишвили). Археологические исследования архитектурных сооружений (крепостные сооружения, дворцы, бани, склепы и др.) подтверждают сведения греческого географа Страбона (XI, 3,1): «Иберия прекрасно населена, большей частью городами и поселками. Так что, там встречаются и черепичные кровли и дома, построенные согласно правилам архитектуры, и рынки, и другие общественные здания...».

Археологические памятники свидетельствуют о высоком уровне развития строительного дела в Иберии античного периода, о наличии местной школы зодчих, хорошо знакомых с основными принципами античной архитектуры и творчески развивавших их на местной основе. На то, что в Иберии уделялось большое внимание художественному оформлению архитектурных памятников, указывает найденная в столице

Иберии Мцхета этитафия IV в. н. э., в которой упоминается «главный художник и архитектор Аврелий Ахол».

О распространении среди населения (преимущественно городов) Иберии первых веков н. э. античных мифологических представлений свидетельствуют весьма частые уже находки памятников глипки, импорт которых начинается еще со времени похода Помпея, а широкое распространение — в I и особенно в II—III вв. н. э. (М. И. Максимова, М. Н. Лордкипанидзе). Как известно, применение гемм в качестве печатей в древнем мире было связано с развитием частной собственности. Для нас, в данном случае, важен и тот факт, что выбор богов-покровителей в известной мере характеризовал и собственника печати (М. И. Максимова). На резных камнях, найденных на территории Иберии, встречаются изображения Тихи-Фортуны, Фортуны-Изиды, Афины-Минервы, Ники-Виктории, Зевса, Аполлона, Марса-Ареса, Плутона, Асклепия и др. Установлено, (М. И. Максимова, М. Н. Лордкипанидзе), что уже в I веке в Иберии существовали местные камнерезные мастерские. Привлекает внимание и тот факт, что среди местных изделий встречаются не только портретные геммы, но и геммы с изображениями античных сюжетов (миф об Актеоне, Афина, Александр Македонский). Изучение изображений на местных портретных геммах свидетельствует о распространении римской одежды и мод среди знати.

Археологические материалы первых веков н. э. из Иберии свидетельствуют таким образом о некотором воздействии эллинистическо-римской культуры на местную. Однако присутствие в местной культуре характерных для всего тогдашнего мира черт не следует переоценивать. В этот период интенсивно развиваются многие отрасли местной материальной культуры, не затронутые влиянием эллинистическо-римской культуры. Укажем, к примеру, на наличие в Иберии первых веков н. э. местной школы златокузнечества и ювелирного мастерства, имевшей глубокие самобытные традиции и создавший прекрасные образцы древнего искусства, обнаруженные грузинскими археологами при раскопке Армазисхеви (недалеко от Мцхета) — резиденции и некрополя представителей высших должностных лиц Иберии. Характерной чертой этих изделий являются полихромия, осуществляемая применением драгоценных или полудрагоценных камней, а также эмалей, стекла и пасты, сопровождаемая обильным применением зерни, филигрانی, скани (эти художественные приемы прослеживаются на археологических материалах Грузии в глубь до середины II тысячелетия до н. э.).

С середины III в. н. э. в связи с ослаблением римского политического влияния на Востоке и усиления Сасанидского Ирана, прекращаются связи Иберии с античным миром.

Глава IX

РИМСКИЙ МИР И КОЛХИДА В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Своеобразно протекали взаимоотношения населения Колхиды с внешним миром в позднеантичную эпоху. Уже с середины I в. до н. э. (после похода Помпея) Колхида попадает под политическую зависимость от Римской империи и теряет свою политическую самостоятельность (со второй половины I в. н. э. Колхида входила в состав Каппадокийской провинции). В прибрежных районах Западной Грузии (в Апсаре, Фасисе, Диоскурии, а со второй половины II в. н. э. и в Питиунте) стояли римские военные гарнизоны. Расположенные в названных пунктах крепости римлян представляли собой своего рода военные базы.

В позднеантичную эпоху приморские центры Колхиды потеряли свое прежнее значение экономических центров населения всей Колхиды и фактически являлись проводниками экономических и, преимущественно, политических интересов Римской империи. Влияние последней, по-видимому, не распространялось далеко в глубь страны.

Это своеобразное политическое положение довольно ясно иллюстрируется и археологическими, в частности, нумизматическими материалами. Специальное исследование денежного обращения в Колхиде рассматриваемого периода (К. В. Голенко) показало, что в I—III вв. н. э. на территории Колхиды вырисовываются две обособленные области, в которых основу денежного обращения составляли разные монетные единицы. В приморской полосе, на территории римских крепостей и в соседних с ними районах, с конца I и во II веке обращались кесарийские монеты. С конца II — начала III вв. наблюдается приток императорских серебряных денариев. Во второй половине II — первой половине III вв. в приморских городах Колхиды обращаются и трапезунтские городские медные монеты (Д. Г. Капанадзе, Г. Ф. Дундуа).

В это же время (I—II вв. н. э.) в восточных районах Колхиды основу денежного обращения составляют императорские медные монеты, которые, как полагают, проникали из соседней Иберии.

Совершенно аналогичная картина наблюдается и в археологических материалах. В первые века н. э. импортные изделия из малоазийских и причерноморских центров (главным образом амфоры, краснолаковая керамика) совсем не встречаются во внутренних районах Колхиды, в то время как они обильно представлены в приморских поселениях. В

работе приводится подробная характеристика, датировка и попытка определения производственных центров керамической тары (амфор) и краснолаковой керамики, найденных при раскопках античных поселений (главным образом, др. Питиунта и Диоскурии — Севастополиса). При изучении данного материала (в частности при его датировке) мы основываемся, с одной стороны, на стратиграфических данных, с учетом всего, поддающегося датировке материала, с другой же стороны — на типологии амфор и краснолаковой керамики. В работе привлекается параллельный материал, как из раскопок античных городов Северного Причерноморья, хранящийся в фондах музеев и научных учреждений СССР, так и в виде научных публикаций и исследований позднееантичной керамики из раскопок афинской агоры, Сирии, Малой Азии и Северного Причерноморья.

При раскопках приморских поселений Колхиды в слоях II — III вв. н. э. в большом количестве найдены обломки светлоглиняных (с примесью черных частиц) узкогорлых амфор южнопонтского происхождения (предположительно их относят к синопским изделиям), часто встречающихся при раскопках Херсонеса, Ольвии, Неаполя Скифского, Мирмекия, Илурата, Танаиса и других городов¹.

Интересно отметить находки аналогичных амфор из красной глины, являющихся местными изделиями имитирующими импортные (наибольшее отличие наблюдается в устройстве венчика). Характерными для II—III вв. н. э. являются также амфоры из коричневой (с примесью черных частиц) и также красной глины с небольшим горлом, имевших на уровне верхней части ручек резко выделяющуюся припухлость. Этот тип является, вероятно, дальнейшим развитием и поздним вариантом амфор из коричневой глины I в. до н. э. — I века н. э., которые И. Б. Зеест считает синопской продукцией. Встречаются также фрагменты местных красноглиняных амфор, у которых дугообразная ручка начинается у плечиков и соединяется с туловом.

В этот же период встречаются также небольшие обломки синопских амфор из характерной глины сиреневого цвета с примесью черных включений. Во II — III вв. н. э. обильно представлена и краснолаковая керамика. Это фрагменты мисок, чашек, блюд, тарелок, кубков, кувшинов (как одноручных, так с двумя ручками). Особенно многочисленны фрагменты блюд овальной формы с скруглыми стенками, гори-

¹ Находки аналогичных амфор зарегистрированы и на территории Польши (К. Маевский). Предполагают, что эти изделия производственных центров Южного Причерноморья проникали на славянские территории через Тиру, Ольвию и Херсонес (В. Ф. Гайдукевич).

зонтально отогнутым краем и плоскими ручками¹. Края и ручки украшены рельефными (несколько расплывчатыми) изображениями (сцены охоты, цапля, дельфин, рак, рыбы, канфар, растительный орнамент). В качестве украшений бортиков встречаются также бугорки и рубчики.

Среди краснолаковых изделий можно выделить самоскую продукцию. Большой интерес представляет одна группа блюд, мисок и кувшинов из светлой (желтовато-красноватой) глины, являющаяся, по-видимому, продукцией одного и того же, пока не известного нам, производственного центра. Привлекает внимание два типа из этой группы: глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком и горизонтально наклепными желобчатыми ручками (аналогичные находкам на афинской агоре); миски на маленькой кольцеобразной подставке, с округленными стенками, венчик с острыми углами.

Широко распространены также двуручные горшки с округлыми стенками на маленькой круглой подставке, как красноглиняные, так и с серовато-зеленоватой облицовкой, совершенно аналогичные тем, которые в большом количестве найдены в Херсонесе, и некоторыми исследователями считаются продукцией этого города.

Интересную группу составляют и лутерии. Наряду с импортными (синопские), встречаются и местные красноглиняные. Интересно отметить, что большинство лутериев местного производства имеет одну характерную деталь: у них слив возвышается над краем.

Рассмотренный выше археологический материал наглядно иллюстрирует экономический расцвет, наступивший после кризиса I в. в Восточном Причерноморье. С середины III в. н. э. городские центры Восточного Причерноморья подвергаются нашествию готов. К этому времени, как предполагают (Г. А. Меликишвили), фактически приходит конец римскому господству в Восточном Причерноморье, и в IV в. зависимость Колхиды от Рима носит уже формальный характер. Именно к этому времени на территории нынешней Западной Грузии складывается новое независимое государство местных племен — Лазское царство (Лазика).

Возникновение сильного Лазского царства и распространение его политического влияния на обширной территории нашло отражение и в археологическом материале. Последний указывает на превращение приморских городов в IV — V вв. н. э. в крупные торгово-ремесленные центры, и,

¹ Аналогичные блюда датируются концом II — первой половиной III в. н. э. (Бичвинта, Ольвия, Мирмекий, Пантикапей, Фанагория, Илурат).

что особенно интересно, на усиление влияния местного населения в жизни этих городов. Обращает внимание преобладание в культурных слоях IV—V вв. сероглиняной и кухонной керамики, по формам и орнаментации генетически связанной с колхидской керамикой, в то время, как аналогичная (местная) керамика совершенно отсутствует в слоях II—III вв. н. э.

Для характеристики экономической жизни приморских центров в работе представлены подведенные нами итоги изучения амфор и краснолаковой керамики IV—V вв. н. э. (на материалах раскопок в Сухуми и Пицунде).

IV—V вв. н. э. являются временем нового расцвета приморских городов Колхиды, что наглядно иллюстрируется археологическими исследованиями на территории древнего Питиунта и Севастополиса. В Питиунте в этот период строятся новые мощные фортификационные сооружения, храмы с мозаичными полами, бани и т. д. Для истории экономики приморских городов в IV—V вв. важное значение имеет изучение обильно представленных в культурных слоях стеклянных изделий, амфор и краснолаковой керамики.

Стеклянные изделия IV—V вв., найденные в Пицунде, как полагают (Н. Н. Угрелидзе), большей частью являются импортными из восточных и западных провинций Римской империи.

Амфоры IV—V вв. н. э. из раскопок приморских поселений Колхиды, в основном, повторяют формы, широко распространенные в это время по всему позднеримскому миру. Довольно часты (особенно в Пицунде) находки самосских амфор IV в. н. э.

Самую многочисленную и многообразную группу составляет краснолаковая керамика. IV—V вв. датируются нами миски больших размеров со слегка расходящимися сверху стенками с плоским дном и совсем низким и узеньким ободком; большие тарелки с горизонтально отогнутым краем; чашечки полушаровидной формы и др.

В работе рассматриваются также отдельные фрагменты доншиек краснолаковых сосудов. Некоторые из них украшены рифленным волнистым орнаментом и датируются IV в. н. э. На других фрагментах имеются оттиснутые штампом изображения христианского символа — креста (они относятся, в основном, к V в.) или животных. Последние, судя по находкам в Антиохии на Оронте, встречаются и в начале VI в.

Вопрос о производственном центре краснолаковой керамики, найденной в Пицунде, является чрезвычайно сложным и в значительной мере не поддается определению. Объясняется это, по-видимому, тем обстоятельством, что основные и из-

вестные малоазийские центры производства краснолаковой керамики к концу II и в III в. приходят в упадок. Вместе с тем, краснолаковая керамика III в., особенно IV и V вв., которая в большом количестве найдена в Пицунде, а также в Северном Причерноморье, резко отличается как по своим формам, так и по качеству «лака» и характеру глины от известных изделий малоазийских центров первых веков н. э. Следует добавить, что несмотря на несомненное сходство основных типов керамики IV—V вв. из Пицунды с керамикой из районов Северного Причерноморья, наблюдается и существенная разница в характере глины, что также несомненно указывает на возникновение в позднеантичную эпоху ряда новых производственных центров производства краснолаковой керамики.

Обилие краснолаковой керамики среди археологических материалов Пицунды (она буквально наводняет культурные слои IV—V вв.), ее, за небольшим исключением, общая однородность по характеру и цвету окраски (от светлокрасного до бурого), сходство ее глины (красного или желтоватого обжига с примесью известковых частиц) с глиной пицундских черепиц и кирпичей, а также с некоторыми типами местных амфор, наличие технического брака — все это дают основание предположить существование в IV—V вв. местного центра производства краснолаковой керамики в северо-восточном Причерноморье, скорее всего в окрестностях Пицунды, где (в ущелье р. Бзыби) имеются весьма благоприятные условия для развития керамического производства. Следует также отметить, что по нумизматическим данным со второй половины III в. постепенно слабеют, а с IV в. совершенно прекращаются, связи Пицунды с Северным Причерноморьем.

На основе изучения краснолаковой керамики в работе дана попытка освещения некоторых вопросов истории древнего Питиунта и Севастополиса.

Весьма важно, что с IV в. н. э. в археологических материалах Западной Грузии вновь наблюдаются экономические связи приморских центров с внутренними районами Колхиды.

С сороковых годов VI в., когда Колхида (Лазика) становится ареной ирано-византийских войн, прекращаются связи населения древней Колхиды с западным, античным миром.

В заключении излагаются основные выводы диссертационного труда и подчеркивается, что длительные взаимоотношения с античным миром сыграли важную роль в деле социально-экономического и культурного развития населения древней Грузии (Колхиды и Иберии). На протяжении почти целого тысячелетия население древней Грузии (снача-

ла Колхиды, а несколько позже и Иберии) было активно включено в процесс международных торгово-экономических взаимоотношений. Это обстоятельство несомненно должно было способствовать дальнейшему росту местного товарного производства, развитию денежного хозяйства, усилению роли городских центров в экономической жизни страны и т. д. Все это вместе взятое, в конечном счете, служило основанием для дальнейшего социального и экономического развития.

В результате длительных взаимоотношений с античным миром население древней Грузии знакомилось с основными достижениями передовой античной культуры, науки, техники и, вместе с тем, творчески перерабатывало и насаждало их на местной почве.

Весьма важно отметить, что уже с античного периода, особенно с первых веков н. э., закладываются основы тех интенсивных взаимоотношений древней Грузии с наиболее выдающимися культурными центрами Ближнего Востока (Армении, Сирии, Палестины) и Византии, что так ярко представлено и отражено в раннесредневековой грузинской литературе, философии и искусстве (архитектура, чеканка). Однако роль античных традиций в истории средневековой грузинской культуры — предмет особого исследования.

* * *

Основная часть диссертации опубликована в следующих печатных работах автора:

1. Сообщение Страбона о первом "γένος"-е населения Иберии, Сообщения АН ГССР, т. XVIII, № 3, 1957 г.

2. О торговом транзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху, Сообщения АН ГССР, т. XIX, № 3, 1957.

2. Ремесленное производство и торговля в Микета в I—III вв. н. э. (К изучению экономики городов Иберии античного периода), Труды Тбилисского гос. Университета, т. 65, 1957.

4. О царском землевладении в Иберии античного периода, Сообщения АН ГССР, XXI, № 6, 1958.

5. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды, «Вестник» (Мацнэ) отд. общ. наук АН ГССР, 1962, № 1 (на груз. яз. резюме на русском и франц. языках).

6. Strabo über das erste Genos der iberischen Bevölkerung, Bibliotheca Classica Orientalis, Heft 4, 1962, Berlin.

7. Новые материалы к археологии Диоскурии-Севастополиса, Труды Абхазского института языка, литературы и истории, XXXIII — XXXIV, 1963.

8. Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии, «Советская Археология», 1964, № 1.

9. К вопросу о греческой «колонизации» в Колхиде, «Вестник» (Мацнэ) отд. общ. наук АН ГССР, 1964, № 3.

10. Римские бронзовые сосуды из с. Ничбиси, Сообщения АН ГССР, XXXIX, № 1, 1964 (на груз. яз. резюме на русск. яз.).

11. Материалы к археологии Диоскурии — Севастополиса, «Вестник» (Мацнэ) отд. общ. наук АН ГССР, 1965, № 3 (на груз. яз. резюме на русск. яз.).

12. Античный рельеф, найденный в Сухуми, «Сабчота Хеловнеба», 1965, № 4 (на груз. яз.).

13. Античный мир и Колхида, «Мнатоби», 1966, № 3 (на груз. яз.).

14. Античный мир и древняя Колхида (К истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VI — II вв. до н. э.), Тбилиси, 1966 (на груз. яз. резюме на русском и английском языках).